

РОВОСЧИК 6 1981

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Июнь, 1981, № 6

КАК ЖИВЕШЬ, ЗАРУБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК! НА ВОПРОС НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТВЕЧАЮТ СОВЕТСКИЕ И ИНОСТ- РАННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ В ОЧЕРКАХ, РЕПОРТАЖАХ И ЗАРИСОВКАХ

На первой странице обложки: о счастливом детстве рассказать словами трудно, да подчас и нет нужды рассказывать, когда можно показать: взгляните на этих мальчишек, и все станет ясно без слов. Адрес снимка, сделанного фотокорреспондентом Алексеем ФЕДОРОВЫМ, — БАМ, поселок Лапри, объект съемки — пионерский лагерь.

4. СМОТРИТЕ!
7. Питер Гольдман и Деннис Уильямс. ОНИ ПРОСТО НЕ В СЧЕТ
10. Жан-Франсуа Буайе. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ С ПАРТИЗАНАМИ САЛЬВАДОРА
12. Д. Прошунина. ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ...
14. Нина Чугунова. ЧЕТВЕРО И ВОЙНА
20. Жан Ко. МИСС ЛУКОВЫЙ СУП ПРОТИВ МИСС БАРАНЬЕ РАГУ
21. Даниэль Ледерман. «ВО СНЕ ПЕРЕДО МНОЙ КРУЖАТСЯ АВТОМОБИЛИ»
22. Леонор Симон. ПОД ВЕНЕЦ! ПОД ВЕНЕЦ! ПОД ВЕНЕЦ!
23. Ричард Мэтисон. КНОПКА. РАССКАЗ
26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
28. Дон Итон Миллер. СТОИТ ТОЛЬКО СДЕЛАТЬ ГЛУБОКИЙ ВДОХ...

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Г. И. Комзолова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал

Сдано в набор 17.04.81. Подп. к печ. 25.05.81. А09763.
Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 565.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

МАДРИД. Столичный журнал «Калье», рассказывая о культурных интересах испанцев, привел такие печальные сведения. Житель Мадрида читает 1—2 книги в год. (Если учесть, что в эти усредненные данные входят и студенты, то, очевидно, большинство мадридцев вообще не читает книг.) 57 процентов испанцев старше 14 лет никогда не читают газет. 53 процента населения вообще не бывают в кино. Шестеро из каждых десяти жителей столицы ни разу не были во всемирно известном музее Прадо. «Что же интересует испанцев?» — спрашивает журнал. И отвечает: «Проклятый ящик телевизора со старыми американскими фильмами о жестоких бандитах и хитроумных сыщиках».

АФИНЫ. В столице Греции состоялась мощная демонстрация молодежи, в которой приняло участие сто тысяч юношей и девушек. Они выступали против членства Греции в НАТО, за ликвидацию американских военных баз, расположенных на территории страны. Во время демонстрации произошли серьезные стычки с полицией, использовавшей дубинки и слезоточивый газ. Около двухсот демонстрантов было ранено, двое убито, тридцать человек арестовано.

КЛАДНО. Редакция получила письмо от жителя этого чехословацкого города Я. В. Хартмана, в котором он рассказывает о дружбе местных пионеров с молодыми кубинцами, приехавшими в ЧССР на производственную стажировку. К приезду друзей пионеры разучили кубинские песни, подготовили выставку своих рисунков об острове Свободы, устраивают совместные туристские походы и концерты художественной самодеятельности.

ВАШИНГТОН. В городах США проходят демонстрации протеста против бюджета, предложенного новой администрацией. Национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение Джеймс Стил заявил, что так называемая программа экономического возрождения страны несет американской молодежи новые несчастья. Предусматривается урезать ассигнования на образование, в частности субсидии студентам, на здравоохранение и социальные нужды.

На снимке: полиция расправляется с участниками демонстрации протеста против экономической политики Белого дома.

АДЕН. В Народной Демократической Республике Йемен принят закон о ликвидации неграмотности. Все граждане страны в возрасте от 12 до 45 лет, лишенные в прошлом возможности получить образование, смогут посещать курсы ликбеза. В провинциях республики создаются специальные комитеты, которые будут осуществлять контроль за ходом кампании. Кампанию по ликвидации неграмотности в стране предусматривается завершить к концу 1985 года.

БУДАПЕШТ. Вот уже двадцать лет венгерский комсомол шефствует над промышленными предприятиями страны. Одно из таких предприятий — угольный разрез имени М. Тореза близ небольшого шахтерского городка Вишонта. Здесь работают 35 молодежных бригад, и каждая перевыполняет дневную норму на 20—30 процентов, широко внедряются предложения молодых рационализаторов. В прошлом году Вишонта дала Венгрии семь миллионов тонн высококачественного топлива, обеспечив тем самым бесперебойную работу расположенной по соседству теплоэлектростанции имени Ю. Гагарина.

СИДНЕЙ. Студенческие и учительские организации Австралии приняли решение объединить свои усилия в борьбе за увеличение правительственных ассигнований на нужды школ и колледжей, за введение единой системы образования. Только в этом случае дети австралийских трудящихся смогут по-настоящему учиться. Пока же правительство оказывает финансовую поддержку не беднейшим государственным учебным заведениям, а частным школам и колледжам, где учатся дети наиболее состоятельных граждан Австралии.

ЛИДС. В Англии угрожающе быстрыми темпами растет армия безработных. По официальным прогнозам, к 1984 году количество людей, не имеющих постоянной работы, приблизится к трем с четвертью миллионам. В ближайшее время планируется закрыть пятьдесят шахт: еще тридцать тысяч шахтеров останется не у дел. «Мы будем бороться, чтобы сохранить наше главное достояние — работу и передать его по наследству нашим детям», — заявляют английские шахтеры.

На снимке: английские шахтеры полны решимости бороться за право на труд.

БУДАПЕШТ. Из года в год растут тиражи советских журналов на венгерском языке, выходящих в будапештском издательстве «Лалкиадо». Например, за семь лет тираж журнала «Советский Союз» увеличился более чем в три раза. В издательстве сформирована специальная «служба читателя». С ее помощью создаются читательские клубы, проводятся конкурсы, викторины, организуются выставки, концертные программы, пользующиеся особой популярностью у молодежи Венгрии. В викторине «Кто больше знает об СССР», которую уже шестой год с успехом проводит журнал «Советский Союз», приняло участие более 56 тысяч человек, в основном школьники, учащиеся профессионально-технических училищ.

ХОШИМИН. Здесь состоялся первый национальный фестиваль политической песни. В нем приняли участие 25 вокальных коллективов из 12 провинций юга Социалистической Республики Вьетнам.

КАБУЛ. Здесь состоялась международная встреча молодежи, организованная ВФДМ и МСС, в поддержку революционных завоеваний афганского народа. В ней приняли участие 53 национальные и международные молодежные и студенческие организации. Представители молодежи 41 страны наметили дальнейшие совместные действия в защиту Апрельской революции, решительно осудили подрывную деятельность американского империализма и его союзников против народа, молодежи и правительства революционного Афганистана. Международная встреча молодежи и студентов потребовала немедленного прекращения всех враждебных акций против афганского народа.

МАПУТУ. В этом году несколько типографий Мозамбика перешли на выпуск книг для начальных и средних специальных учебных заведений. К началу учебного года их будет издано более 4,5 миллиона экземпляров. Это большое достижение молодой республики в борьбе с неграмотностью.

На снимке: в выпуске новых учебников принимают участие сами школьники. Работа в типографии стала началом их будущей профессионально-технической подготовки.

1 ИЮНЯ — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

смотрите:

«Детский труд? Первый раз слышу». Один и тот же ответ в Азии, Африке, Америке, Западной Европе...

В Боготе говорят уклончиво: «В некоторой степени. Когда приходит пора урожая, дети помогают родителям. А детский труд на шахтах? Что вы! Этого нет!»

И вот шахта в деревушке Кларита неподалеку от города Мадлен. Здесь нет ни креплений, ни вентиляции, ни освещения. Проход, суживающийся книзу. Из глубины доносятся детские голоса, удары заступа. В такой норе могут работать только мальчики восьми-двенадцати лет: взрослому там просто не уместиться. Ребята ползут по узкому тоннелю вверх, за спиной скрежещут салазки, нагруженные углем. Высота тоннеля 60 сантиметров. В шахте работают самые низкорослые; по шесть часов подряд, лежа на боку, сидя на кор-

точках, они долбят уголь. Несчастные случаи? Конечно. Они не обошли стороной ни одной семьи в деревушке. Но о них молчат: придет инспекция, закроют шахту, и все останутся без работы.

Ситуация повторяется и в Марокко, и в Египте, и в Гонконге, и... впрочем, не перечислить. По данным лондонского Общества по борьбе с рабством, на ковровых фабриках в Марокко работают девочки-ковровщицы. Многим из них не исполнилось и двенадцати, но спрос с них наравне со взрослыми: трудятся они по двенадцать часов в сутки, в пыли, без свежего воздуха, при плохом освещении. Часты легочные и глазные заболевания, много учениц, работающих бесплатно. Протесты общественности привели лишь к тому, что на воротах фабрик повесили таблички «Посторонним вход воспрещен».

В Египте сотни тысяч детей работают на хлопкообрабатывающих предприятиях. В Гонконге 40 тысяч детей заняты на вредных производствах.

А что же в цивилизованной Европе? Четыре года пас овец двенадцатилетний Микеле Коллона из итальянского городка Альтамура. Вставал Микеле в три часа утра, а в восемь вечера хозяин закрывал за ним и овцами ворота хлева. Но однажды Микеле взял с собой старое ружье, зарядил, привязал к курку камень, нагнулся над стволом, отшвырнул камень. Раздался глухой выстрел... Этот городок славится традиционной ярмаркой «коротких штанишек»: на соборной площади мальчишки восьми-четырнадцати лет ждут покупателей. Их будущие «владельцы» прохаживаются туда-сюда, приглядываются. А выбирать им действительно есть из чего: по всей Италии больше миллиона детей продают свой труд. Две тысячи ежегодно становятся калеками.

А вот выдержки из официального отчета об эксплуатации детского труда в Баварии: «Они работают по тринадцать часов, включая ночное время... У одного фабриканта в Оберпфальце работало множество детей. Большинству не исполнилось одиннадцати. Они мастерили игрушки... На соседнем предприятии десятилетние дети моют бутылки и завязывают мешки...»

На берегу Майбаха в Западном Берлине каждую пятницу устраиваются овощные базары. Здесь тоже работают дети. Многим нет еще десяти. Они сгружают тяжелые ящики с овощами и фруктами. Об этом знают все, однако чиновник из полицейского управления лишь разводит руками: «Детский труд? Первый раз слышу!»

(По материалам зарубежной прессы)

Смотрите! Нет, это не из учебников истории. И вообще эти дети никакого отношения к учебникам не имеют. Многие никогда не держали их в руках, многим никогда и не придется...

Зачем отбирают детство? Выгодно. Чем меньше человек, тем меньше ему платить. Чем слабее человек, тем проще его использовать. Элементарная арифметика. Только преподают ее не в школе — на шахтах, фабриках, стройках... У них отбирают детство по той простой причине, что их некому защитить, и сами они слишком малы, чтобы защитить себя. И так везде, где жизнь настроена на выгоду, на насилие ради выгоды. Снимки, увы, не уникальны. По данным ЮНЕСКО, в прошлом году двенадцать миллионов детей умерли от голода, пятьдесят два миллиона малолетних работали на предприятиях и плантациях.

Но абсурд: в мире, где в нечеловеческих условиях работают малые дети, для сильных и молодых работы нет. Их жизнь проходит в очередях в бюро по трудоустройству, они ищут, требуют. Все напрасно: работы нет.

Об этих сильных и молодых, ищущих работу и получающих вечные отказы, пишут американские журналисты в очерке, который вы прочтете на следующих страницах. И их судьба не уникальна. Молодых и сильных, которые «просто не в счет», можно встретить не только в Нью-Йорке. Их много и в Париже, Риме, Лондоне... Как отмечалось на XXVI съезде в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, «за десятилетие армия безработных в развитых капиталистических странах возросла вдвое. В 1980 году она насчитывала 19 миллионов человек».

Что за мир такой! Мир работающих детей и безработных рабочих. Безумный мир!

ОНИ ПРОСТО НЕ В СЧЕТ

Питер ГОЛЬДМАН и
Деннис УИЛЬЯМС,
американские журналисты

«Вы отказались от низшего класса, не смогли найти ему применения. Он не нужен... Вы обязаны сделать из этого класса или, по крайней мере, из детей этого класса людей, которые впишутся в современную Америку, которые будут нужны, будут чего-то стоить».

(Гуннар МЮРДАЛЬ, «Американская дилемма», 1968 г.)

«Просыпаюсь поздно. Иду гулять. Весь день гоняю мяч. Глупо, я ничего не добьюсь. Я знаю. Иногда иду по объявлению: «Вам требуется человек?» Нет, для таких, как я, работы не бывает».

(Ронни ДОУЗИ, 20 лет, Детройт, 1978 г.)

Позади эпоха негритянского бунта¹. Дети, о которых говорил Мюрдаль, выросли в поколение, потерянное для Америки. Они росли в развалившихся домах, в разрушенных семьях, росли среди безработицы за счет пособий или преступлений как единственного средства к существованию, их исключали из школ, их воспитывала улица.

Многие находят в себе силы бороться, но больше других, сдавшихся, понявших, что они просто не в счет. «И это действительно так, — говорит психиатр Элвин Пуссэн. — Производительные силы американского общества обходятся без них». Статистика подтверждает столь мрачное высказывание: уровень безработицы среди негритянской молодежи в три раза выше, чем среди белых молодых американцев.

Некоторые экономисты считают, что цифры по безработице искажают действительность и что большинство все-таки находит работу. Однако в действительности дело обстоит еще хуже. Гетто и по сей день остаются на задворках жизни. Уровень безработицы не снизили ни экономическое развитие страны, ни благотворительные программы. «Если бы реальные цифры по безработице в гетто вычислить в компьютере, его ответ мог бы быть только одним — бунт», — говорит Диана Дехэм из Национальной го-

родской лиги¹. Молодежь гетто по-прежнему остается пороховой бочкой, символом и конечным продуктом смертельно больных американских сверхгородов. Каждый второй ребенок вырос без отца, каждый третий живет за счет пособий. Дети повторяют жизнь неудачников-родителей: становятся преступниками, растят своих детей, тоже обреченных на прозябание. Но много таких, кто стремится вырваться из рамок, очерченных обществом. Все больше молодых тянется к знаниям: поколение назад три четверти подростков бросали школу, сегодня две трети обучающихся заканчивают ее. Но перспективы применения школьных знаний по-прежнему неутешительны. Окончив школу, подростки не могут найти работу. Правительство бомбардирует их иллюзорными программами², но положение остается прежним: работы нет. С теми, кто бросил школу, дело обстоит еще хуже. Полуграмотные, без профессии, они не знают, как держаться на собеседовании, как заполнить анкету. «Многие обречены на безработицу уже в 13—14 лет», — говорит Дуглас Глазго из Гарвардского университета.

«Мы постепенно вымрем. Наша

¹ Основана в 1910 году, является одной из организаций черного населения США, борется за ликвидацию расизма в стране. — Примеч. пер.

² Новая администрация отказывается и от этих программ, урезывает ассигнования на социальные нужды. — Примеч. пер.

доля — тюрьма, или наркотики, или пуля, — говорит пятнадцатилетний Эллери Томас из гетто Детройта. — Наш дом. — улица с ее наркотиками, пистолетами и легкими деньгами. Мы видим, как просто разбогатеть. Мы тоже хотим. Кому нравится бедность?»

ТРЕБУЮТСЯ

Лэрри Каллэгану девятнадцать. Он живет у сестры в Атланте. Однажды утром он вышел из дома и отправился на поиски работы. В федеральном бюро по трудоустройству Лэрри дали адрес Национальной городской лиги в Атланте. В лиге посоветовали обратиться в объединение «Индиан Спрингс», расположенное на окраине Атланты. Лэрри одолжил денег на билет, но сел не на тот автобус. Шел дождь. Прошло более часа, прежде чем Лэрри добрался до «Индиан Спрингс» и насквозь промокший появился в офисе. Нужного человека не оказалось на месте. Лэрри терпеливо ждал. Потом ему сказали, что работы пока нет, но будет позже. «Приходи», — сказал человек, и Лэрри приходил... в течение шести месяцев. «Мне казалось, что работа у меня в кармане, — вспоминает Лэрри. — Но мне не повезло. Как обычно».

В прошлом году он окончил школу и сразу же устроился на работу учеником механика. О таком можно было только мечтать. «Я был как во сне», — признается Лэрри. Сон

¹ Имеются в виду негритянские волнения конца 60-х годов. — Примеч. пер.

длился недолго. Через два с половиной месяца компания переехала. С тех пор Лэрри ходит по объявлениям. «Моя комната завалена анкетами», — сказал он корреспонденту «Ньюсуик» Верну Смигу.

Лэрри знает, что такое работа. С восьми лет он зарабатывает на жизнь в одном из кафе гетто. Сейчас, пока не нашел постоянную работу, нянчит детей, судит матчи в юношеском спортклубе. «Я должен быть в форме, — объясняет он. — У меня был друг, он попал в историю. Я не хочу, чтобы нечто подобное случилось со мной». Пока Лэрри держится.

У него умерла мать, когда ему исполнилось одиннадцать. Лэрри взяла к себе бабушка. С тех пор половину времени Лэрри проводит у нее, другую половину — у сестер. «Если бы не они, я бы не был таким, — говорит он. — Я обещал отплатить им добром».

Отец бросил семью задолго до смерти матери. «Он живет здесь, в Атланте, — говорит Лэрри с пренебрежением. — Как-то раз я встретил его и подал ему знак. Но он прошел мимо, будто не заметил меня. Одно время я запил, но вскоре сказал себе — хватит».

Лэрри хочет поступить куда-нибудь учиться на слесаря. Причина его невезения, считает Лэрри, отсутствие профессии, но не цвет кожи. «Куда бы я ни пришел, везде висит табличка: «Прием на работу. Цвет кожи не имеет значения». У многих нет профессии, и их не берут. Все, что мне нужно, — это хорошая работа. Все твердят, забудь об этом, живи себе. Но жить, как они, тяжело».

«Живи себе» без работы и без перспектив — обычный удел лэрри каллэганов. «Они, — говорит Джеймс Комптон из Национальной городской лиги в Чикаго, — не обладают никакими профессиональными навыками и порой так и не узнают, что такое работа». И все же каллэганы продолжают сопротивляться установленному образу жизни, в котором нет работы. Их судьба — тревожное напоминание о тех, кто, отчаявшись найти место в жизни, поднялся на бунт в конце шестидесятых годов.

Многие не выдерживают, сдаются. Сью Энн Фримэн рассказывает, как однажды ее остановил молодой негр и попросил милостыню. Еще один попрошайка, подумала

она, прежде чем узнала парня: у него в школе было 150 по тестам¹.

Официальные цифры по безработице мало что говорят. «Если объединить эти цифры и количество людей, вынужденных отказаться от поисков работы, — говорит Вернон Джордан, президент Национальной городской лиги, — то уровень безработицы приблизится к 60 процентам».

Причин безработицы много. Возраст и цвет кожи не в пользу ребят. Рынок рабочей силы отдает предпочтение белым. Физический труд часто единственное, на что может рассчитывать подросток с черным цветом кожи.

Образование улучшилось скорее количественно, нежели качественно. Чернокожий Федко Фуд, владелец ряда нью-йоркских магазинов самообслуживания, принимает на работу исключительно черных. Большинство из 2 тысяч претендентов на 250 мест ежегодно на собеседовании не могут решить задачу типа «Три банки стоят 39 центов. Сколько стоит одна?»

Полицейские досье заводятся легко. Забываются трудно. Они часто непреодолимое препятствие для тех, кто хочет устроиться на работу.

Элементарный этикет устраивающегося на работу, знакомый белому человеку с детства, для парня из Гарлема есть нечто мистическое и пугающее. «Им надо втолковать, что на собеседование не приходят в мятых брюках, в майке, с соломой в волосах, — говорит Кавер Лич, инспектор по трудоустройству молодежи из Вашингтона. — Надень рубашку, галстук, костюм, ботинки, погладь брюки. Не облокачивайся на стол. Войдя, сним шляпу, представься. Имя, фамилия — полностью и медленно. Все нужно вдалбливать. После собеседования они выходят злые на белого хозяина, не принявшего их на работу... Но злиться надо только на себя».

¹ В образовании США широко применяется система стандартизированных вопросов (тесты), ответы на которые определяют тот или иной уровень умственного и психического развития. За каждым уровнем закреплена определенная степень. 150-я степень — одна из высших. Данные тестов учитываются при приеме на работу. — Примеч. пер.

Подобная точка зрения перекликается с мнением многих экономистов, считающих, что парню из гетто безработица даже полезна: она учит его хорошим манерам. Но в гетто цена безработицы несколько иная. И для того, кто наконец нашел работу, и для того, кто все еще продолжает выстаивать длинные очереди в бюро по найму, и для того, кто навсегда отказался от поисков.

ЛОВУШКА НИЩЕТЫ

«Я ни с кого не хочу брать пример, — говорит Маркус, подросток пятнадцати лет из трущоб Детройта. — Я живу в семье, где одни женщины: бабушка, ма, две тетки, и у всех есть дочери». Маркус живет сам по себе, разгуливает по улицам, шляпа лихо заломлена набекрень, на бедре — самодельный пистолет 22-го калибра. Когда один взрослый спросил его, что он хочет делать в 20 лет, Маркус с вызовом ответил: «Три года тюрьмы».

Школа бессильна помочь таким, как Маркус. Обучение часто носит формальный характер. Благодаря так называемой конвейерной системе переход из класса в класс и окончание школы не сопряжены с какими-либо обязанностями со стороны учеников. Достаточно числиться в школе, чтобы окончить ее. «Я палец о палец не ударял, но меня переводили», — говорит Маркус. Когда его выгнали за драку, он не счел нужным продолжать учиться.

Школьная статистика выглядит радужной и многообещающей: почти столько же черных заканчивает школу, сколько и белых, черных с высоким уровнем умственного развития больше, чем белых. Но в реальности все иначе.

По результатам тестов негритянские дети развиты лучше белых, но одновременно и хуже белых: как процент умственно развитых, так и процент умственно отсталых среди негритянской молодежи более высок, чем среди белых подростков.

В целом обучение остается сизифовым трудом. Джимми Харрис, двадцатитрехлетний безработный из Сан-Луиса, с грустью перечислил список своих аттестатов: об окончании средней школы, технического и профессионально-технического училища. «При устройстве на работу все это не в счет». Он прав: белому, исключенному из

школы, проще найти работу, чем черному со средним образованием. В гетто об этом знают. «Зачем,— спрашивает один молодой карманник из Чикаго,— я буду тратить время на школу и потом работать за гроши где-нибудь на почте? Да я больше стащу».

ЗЛОВЕЩИЕ УЛИЦЫ

По стандартам гетто детство Гарри Уивера было нетрудным. Он жил с матерью в трущобах Филадельфии. Мать работала официанткой и кое-как сводила концы с концами, умудряясь прокормить Гарри, двух его братьев и сестру. «Мы были бедны, но многие были беднее нас,— говорит Гарри, пожимая плечами.— Мы не знали, что такое бифштекс, но мы не голодали».

Два года назад Гарри и несколько его приятелей вошли в магазин и убили владельца, как говорит полиция, «ради горсти монет». Гарри Уивер сейчас в тюрьме, ждет повторного суда. Хорошо знавшие Гарри качают головой: «Во всем виновата улица».

Гарри рос, ничем не отличаясь от других, гулял с девушкой по имени Розетта. Его отец, примерный полицейский, бросил их, когда Гарри исполнился один год. Изредка он навещал семью и несколько раз брал с собой Гарри на рыбалку. Гарри работал, стараясь быть похожим на родителей: убирал мусор в парке, нянчил детей. Чтобы иметь возможность устроиться в будущем на работу, Гарри посещал дополнительные занятия в школе. Здесь его научили читать. «Я очень на него надеялся»,— сокрушается Тэмми Уильямс из персонала школы.

Гарри не смог найти работу, и в 18 лет он выбрал улицу. Стал просыпаться после полудня, потом коротал день на школьном футбольном поле, играл в карты и кости, торговал марихуаной, жетонами, что можно использовать вместо монет. Два года назад его арестовали за ограбление, но тогда он легко отделался.

В одно ленивое воскресное утро Гарри с тремя приятелями обсуждал, чем заняться. Что было дальше, воспроизводит полицейский протокол. Четверо вошли в аптеку-закусочную, расположенную напротив дома Гарри. В детстве он покупал здесь сладости. «Привет,

ребята»,— сказал Джозеф Кохен, шестидесятипятилетний хозяин. Один из парней опустил металлическую штору и помог другим оттащить Кохена во внутренние комнаты магазина. Потом на Кохена накинута петля и выбили полку из-под ног. «Пощадите, не надо, я вам друг!»— кричал Кохен. Они ушли, унося с собой 128 долларов.

Их арестовали и осудили сразу четверых к пожизненному заключению. В прошлом году приговор признали недействительным, так как по законодательству штата Пенсильвания совместные суды запрещены. В холмесбургской тюрьме, столь же мрачной, сколь и его будущее, Гарри ждет пересмотра дела. «Я должен ответить за свои преступления,— говорит он.— Кроме себя, мне некого винить». Он пишет длинные письма Розетте о том, как хочет уехать с ней на юг и заняться сельским хозяйством. «Просто клочок земли,— пишет он,— где по-настоящему тихо, нет улицы, нет неприятностей».

Но неприятности неизбежны для гарри уиверов: улица ставит на них свое клеймо. Соблазнов богатства трудно избежать, когда кругом безработица и нищета. «Если вы спросите белого мальчишку, кем он хочет стать,— говорит Джеймс Тэйлор, выпускник средней школы Детройта,— он ответит — руководителем. Черный ребенок на тот же вопрос ответит: «Я хочу стать скупщиком краденого или, что самое прибыльное, торговцем наркотиками». Говорят, один начинающий бизнесмен десяти лет из Окленда, Калифорния, зарабатывал на наркотиках по 200 долларов в неделю. Негритянская молодежь вносит заметную диспропорцию в полицейскую статистику арестов —

52 процента всех арестов за уголовные преступления. Бессмысленность окружающей жизни — одна из важнейших причин преступности в гетто. Многие подростки ни разу не покидали пределов родного квартала, иную жизнь знают только по телевизору.

В гетто быстро становятся преступниками: других карьер здесь не делают. «Ты что, хочешь сесть за воровство?»— сказали мне. Об этом я как-то не думал. Просто стащил кошелек»,— говорит Джеймс С. В тот раз его поймали, но это не помешало ему перейти от мелкого воровства к бандитизму и ограблениям. Сейчас он в тюрьме для несовершеннолетних. Ему пятнадцать.

Деньги — огромный соблазн для каждого, кто искал работу и остался без нее. «Мы толкуем,— говорит Барбара Бёк Татум, инспектор по трудоустройству молодежи в Бостоне,— о дипломе и минимальной заработной плате с теми, кто зарабатывал несравненно больше обычным воровством и «коммерцией», кстати, свободными от налогов». В подъездах и на лестничных клетках почти без всякого риска они могут торговать сигаретами с марихуаной по доллару за штуку. Маловероятно, что негритянская молодежь при нынешнем положении дел забудет о соблазнах преступности. «Я предпочитаю «крутиться». Как-то надо зарабатывать на жизнь»,— говорит Джим Франклин, живущий в трущобах Сан-Луиса. Когда-то он бросил школу. Сейчас ему двадцать один.

В гетто не смолкает полицейская сирена, давно ставшая чем-то вроде гимна этих асфальтовых урн городов в городах.

«Успехи не предусмотрены. Предусмотрены только неудачи. С неудачниками знают, что делать, знают, куда определить убийцу и мошенника. Другие не в счет. И к тому же все против них».

(Дэйл ХЕЙНС, чернокожий полицейский из Лос-Анджелеса)

«Здесь люди, не желающие меня знать, там люди, ненавидящие меня, позади люди, которые смеются надо мной, хотели бы втоптать меня в грязь».

(Раймонд НОУБЛ, с отличием закончивший среднюю школу в Бостоне)

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ С ПАРТИЗАНАМИ САЛЬВАДОРА

Жан-Франсуа БУАЙЕ,
французский журналист

Освободительная борьба народа Сальвадора против ненавистного режима хунты и ее американских покровителей в последние полгода растет вширь и вглубь. Десятки миллионов американских долларов предоставлены в распоряжение преступной диктатуры для борьбы с собственным народом. Американские советники и «зеленые береты» тренируют специальные отряды карателей для борьбы с патриотами. Но народ Сальвадора хочет самостоятельно решать свою судьбу и готов бороться за это неотъемлемое свое право до победы. О молодых патриотах Сальвадора рассказывает французский журналист, который в начале нынешнего года встречался с партизанами.

Горы Сальвадора. Десяток полуразрушенных домов, затерянных среди буйной тропической растительности, несколько красных черепичных крыш, укрывшихся среди горных вершин, которые окружают Чалатенанго. Красноватые тропинки, вьющиеся между глинобитными стенами... Жалкая деревенька, похожая на сотни других, разбросанных в горах на севере Сальвадора. Именно здесь, менее чем в десяти километрах от одной из самых крупных казарм правительственных войск, руководство Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти обосновало командный пункт, носящий имя Аполинарио Серрано, в честь одного из основателей крестьянского профсоюзного движения.

Из маленькой комнатки, где расположен штаб, майор Хесус и шесть его товарищей координируют действия примерно 2 тысяч человек, разбросанных по всей территории департамента и действующих небольшими, но очень мобильными группами.

В районе радиусом в 30 километров вокруг Параисо, где расположен штаб бригады правительственных войск, разбросано с десяток столь же бедных и безымянных поселков, как эта деревня, которые служат временными базами при налетах, предпринимаемых партизанами. Они играют роль передовых постов — один из них расположен всего в четырех километрах от города Чалатенанго — или запасных позиций, размещенных вдоль гондурасской границы. Партизаны периодически занимают или, наоборот, оставляют их в зависимости от задач наступательных операций.

Чтобы увидеть знамя Фронта национального освобождения, развевающееся над командным постом имени Аполинарио Серрано, нам пришлось проявить немало терпения и пережить немало перипетий. Получив в Париже разрешение Фронта имени Фарабундо Марти, мы затратили пять дней на сложные перелеты между центрально-американскими столицами и совершили сложный тридцатикилометровый переход через сальвадорские горы.

Пятнадцать часов мы сражались с упорной природой, сопротивлявшейся нашему продвижению, взбирались на гребни и спускались в долины, преодолевали каменистые осыпи и пробирались нехоженными тропами, под палящими лучами солнца и под покровом влажных тропических лесов. Пятнадцать часов, чтобы увидеть своими глазами ужасы войны, которую хунта ведет на протяжении уже полутора лет против безземельных крестьян Юрике, Сан-Антонио-Лос-Ранчоса или Санта-Аниты. Увидеть эти деревни, подвергшиеся авиационным бомбардировкам, поселки, оставленные их жителями, спасавшимися от приближавшихся подразделений национальной гвардии, дома, сожженные вооруженными отрядами крайне правой воензированной организации ОРДЕН.

То там, то здесь можно видеть, как посмертное свидетельство народной воли, надписи, начертанные неумелой рукой на беленных известью стенах: «Революция или смерть!», «Да здравствует свободная Никарагуа!» И повсюду, от гондурасской границы до Чалатенанго, чувствуется присутствие дисциплинированной и боевитой народной армии, которая с каждым днем завоевывает все новые позиции: укрепленные сторожевые посты на поворотах дорог, партизанские лагеря, насчитывающие по несколько десятков бойцов, вооруженных автоматами, целая сеть активистов, которые информировали наш эскорт об изменениях позиций противника по мере нашего продвижения.

Сцена, которая ожидала нас на командном посту имени Аполинарио Серрано, очень быстро убедила нас в том, что революционная армия не миф. Здесь на несколько часов собрался довольно крупный отряд бойцов, участвовавших в атаке на Чалатенанго за два дня до этого. Около 200 вооруженных мужчин и женщин, среди которых большинство составляет молодежь, ожидает новых инструкций. Почти все они пока еще в обычной одежде. Немногие в военной форме, захваченной в боях, выделяются среди общей массы. А на большинстве дешевые брюки и рубашки, наглядно подтверждающие социальный состав бойцов: это крестьяне, рабочие, служащие.

В противовес этому оружие, которое каждый с гордостью демонстрирует нам, американские автоматы лучших образцов: («Кольт М-16» и АР-15), бельгийские (ФАЛ), израильские («галил»), западногерманские (Г-3), карабины М-1 и М-2 также американского производства.

Собравшись небольшими группами, бойцы — мужчины и женщины — обмениваются свежими впечатлениями от атаки на главный город департамента, проведенной в ночь с 9 на 10 января. Для подавляющего большинства из них это было боевое крещение. Даже опытные бойцы знакомы с войной лишь по коротким стычкам в засадах или молниеносным рейдам в городских зонах.

Поэтому вполне понятно, что рассказы, подчас романтически приподнятые, у всех на устах: горящие казармы, уничтоженный бронетранспортер, успешная засада, устроенная для частей подкрепления, направленных с базы Параисо... Скупое вспоминают о десяти товарищах, погибших в бою, зато много говорят о сорока убитых, недосчитывающихся в рядах противника. Вкратце перечисляют неудачи, которые не позволили выполнить все намеченные боевые задачи: некоторые отряды крестьян сбились с маршрута в городе, куда они попали впервые; заклинившие затворы винтовок; неразумно использованные гранатометы...

Напрашивается вывод, который многое говорит о возможностях Фронта национального освобождения имени

Фарабундо Марти: партизанское движение, делающее еще только первые шаги, уже заставляет отступать сальвадорские вооруженные силы, известные в Центральной Америке своим профессионализмом и качественным вооружением.

Вечером майор Хесус и его штаб собрали всех временно находящихся здесь бойцов Народной армии освобождения, народных ополченцев, задача которых — обеспечивать охрану деревень, присоединившихся к революции, активистов массовых организаций, политическая работа которых подготавливает вступление ежедневно новых бойцов в ряды партизан, крестьян, ищущих у ФНО защиты. Лица, обожженные солнцем, натруженные руки, застенчивые улыбки партизан, смущенные взгляды молодых бойцов, на которых наше присутствие явно производит больше впечатления, чем пули национальной гвардии. Народ, взявший в руки оружие.

Револьвер, заткнутый за пояс, и шляпа с широкими полями, прикрывающая его черные волосы, недостаточны для того, чтобы сделать майора Хесуса классическим военным командиром. И его первые же слова подтверждают это. Он обращается не к солдатам, а к революционерам, которые так же, как и он сам, встали на путь вооруженной борьбы.

Хесус излишне не останавливается на успехах первых дней наступления. Он предпочитает подробнее говорить об усилиях, необходимых для того, чтобы обеспечить победу: нужно ускорить подготовку бойцов, которые полны решимости и убежденности, но еще не обладают большим опытом; особенно важно научиться лучше использовать тяжелое оружие, которого так мало у партизан; необходимо бороться с «местнической психологией», присущей крестьянам района с тем, чтобы они соглашались идти сражаться вдали от своей деревни и своей земли; нужно проявлять изобретательность и упорство, чтобы доставлять оружие, которого все еще не хватает.

Каждая очередная тема в речи командира сопровождается лозунгами, которые стихийно вырываются из рядов бойцов: «Свободная родина или смерть!», «Родина или смерть — мы победим!», «Долой фашистскую тиранию!», «Да здравствует Фронт Фарабундо Марти!» Все присутствующие хором подхватывают эти лозунги, вскидывая в воздух сжатые в кулак руки.

Демагогия не в почете в отряде имени Аполинарио Серрано. Постоянный прямой контакт между руководителями и бойцами является, судя по всему, постоянной заботой штаба. Каждый вечер в течение недели мы наблюдали следующую сцену: командиры сменяли друг друга на маленькой учебной площадке, чтобы объяснить, показывать и стараться исправить недостатки этой еще слабо обученной народной армии.

Мне не раз приходилось читать и слышать о том, к каким ухищрениям прибегает буржуазное общество, чтобы ограничить интересы молодежи узеньким мирком личного благополучия, оторвать ее от политики. Ученые психологи и социологи обычно говорят о суррогатах представлений об удаче и счастье, которые формируют в юных гражданах ФРГ массовая культура и жесточайшая конкуренция за место в жизни. Эта конкуренция начинается уже в средней школе, где всячески культивируется гонка за «проходными» оценками, дающими шанс для продолжения образования или получения сносной работы. В этой гонке самые «слабые» выходят из игры лет в пятнадцать (некоторые ученые этим объясняют и нарастающую с каждым годом волну самоубийств, и обращение к наркотикам). Из «сильных» формируется классический эгоист, для которого, кроме личного благополучия, ничего не существует.

Общественные деятели, имеющие отношение к воспитанию подрастающего поколения, с которыми встречалась в ФРГ наша делегация журналистов молодежной печати, отмечали кто с тревогой, а кто и с удовольствием, что сейчас в ФРГ сложился тип молодого человека, озабоченного исключительно своей судьбой.

Встречи со студентами и гимназистами ФРГ убедили меня в существовании такого типа молодого человека. Однако из этих же встреч я вынесла убеждение, что он не стал и, можно с уверенностью сказать, не станет выражением типического лица западногерманской молодежи. Ибо, как и всякая молодежь, она тянется к жизни полнокровной, общественно активной, она чутка к несправедливости, стремится раздвинуть навязываемые ей границы буржуазного понимания мира и места человека в нем.

Итак, несколько штрихов к портрету западногерманской молодежи.

Ирэне, 18 лет, редактор гимназической газеты. Город Дахау

Ирэне встречается нас у мемориала узникам гитлеровского концлагеря в Дахау. Молча проходит по всем залам мемориала, сосредоточенно слушая рассказ бывшего узника концлагеря, коммуниста Альфреда Хаага.

Только в автобусе Ирэне говорит:

— Уже который раз я прихожу в мемориал и не могу поверить, что это было возможно.

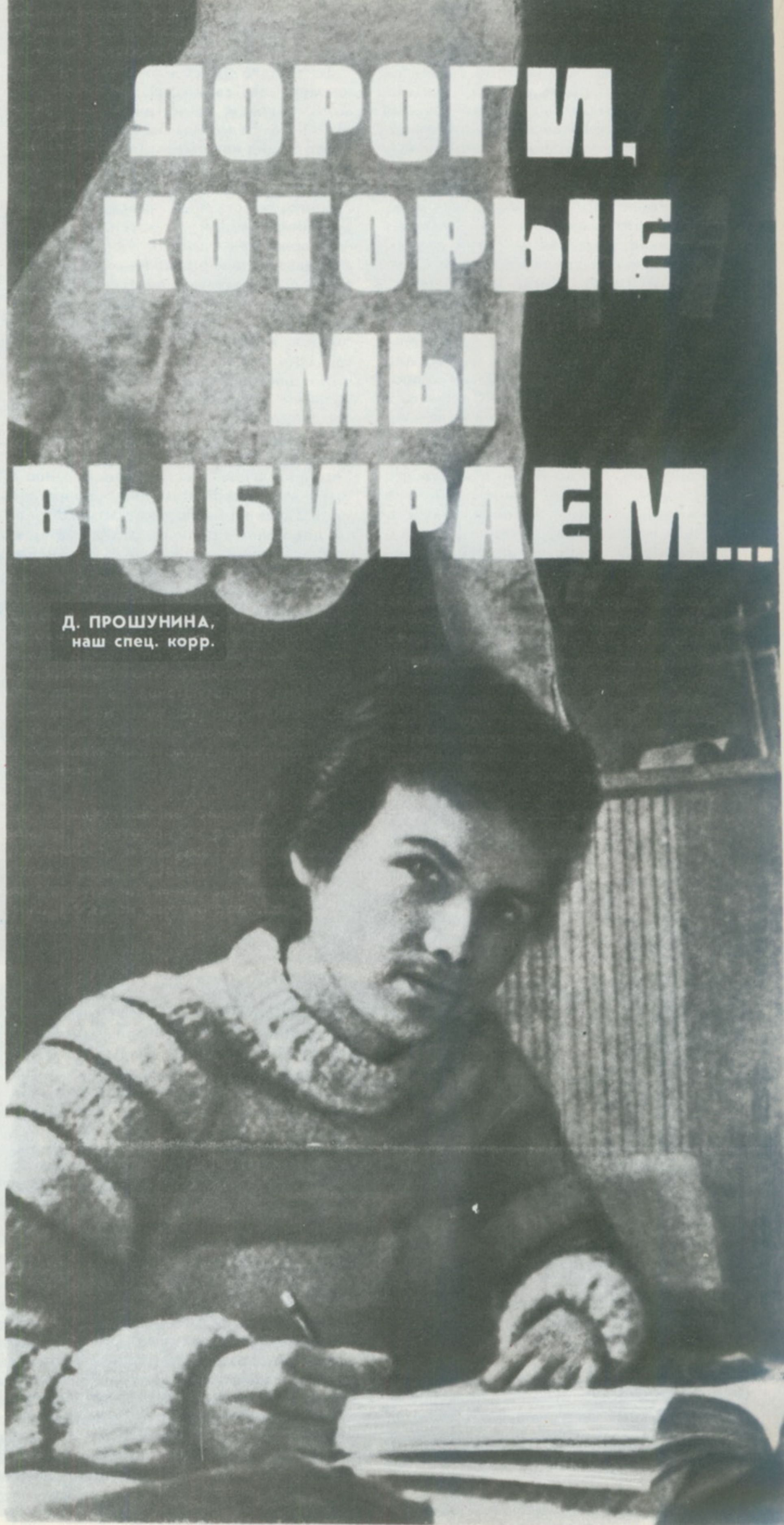
В гимназии учитель истории, когда мы проходим период 1933—1945 годов, заключительный урок всегда проводит здесь, в этих залах. Все знания о фашизме, о войне зависят от случая. Примерно половина людей в нашем городе считает, что прошлое надо забыть, вычеркнуть из памяти, из истории, будто ничего не было. Такие люди никогда не были на территории бывшего концлагеря и не хотят ничего знать о нем. Так могло бы быть и со мной, будь в гимназии другой преподаватель. Он считает, что надо хорошо знать свое прошлое, даже если оно и такое ужасное, каким его сделал нацизм. Иначе как бы не пришлось пережить все вновь...

Паскаль, 18 лет, редактор гимназической газеты «Гололед». Людвигсбург

Паскаль чем-то напоминает выпавшего из гнезда птенца, он весь какой-то встрепанный, растерянный. Он хотел бы поговорить со всеми в нашей делегации. Перебегая от одного к другому, он теряет в снежной каше свои сабо на деревянной подошве и тогда скачет на одной ноге, чтобы подобрать отнюдь не Золушкин башмачок. Он мерзнет в своем выдавшем виды свитере до коленей и первым влезает

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ...

Д. ПРОШУНИНА,
наш спец. корр.

в автобус. Вот и сейчас он первым за-скочил в молодежный центр, где мы живем, и ждет меня, чтобы продолжить начатый в автобусе разговор. Когда говорит, страстно жестикулирует и ответа ждет так, будто от этого зависит вся его жизнь.

— Вы знаете Тарковского? В Москве идут его фильмы?

— Идут.

— Этого не может быть!

— Почему?

— Мой товарищ сказал, что фильмы Тарковского запрещены.

— Ерунда. Когда вышел фильм «Сталкер», Тарковский выступал перед зрителями, я сама была на такой встрече.

— Правда? Расскажите, какой он, что говорил?

— Вам нравятся фильмы Тарковского?

— Я не видел ни одного. Я так хотел бы поехать в ГДР, там, говорят, можно посмотреть. Но это сложно... Еще я хочу поехать к вам в СССР, но сами понимаете... Одних денег сколько надо, на дорогу, на отель. Кстати, у вас есть отели?

— Конечно.

— А вот такие молодежные центры, как тот, в котором вы ночевали?

— Есть. Только комфортабельнее.

— Комфортабельнее, чем этот? Это правда? И там есть душ? И горячая вода? А вы не боитесь, что вот вы поехали в ФРГ, а потом у вас будут неприятности. Вас отправят в Сибирь. Вот вы со мной разговариваете, а ведь это нельзя.

— А вам можно?

— Это как сказать... А вы можете уйти с этой работы и поступить на другую? Я слышал, у вас принудительный труд, и никто не может поменять работу. Ну вот, вы опять смеетесь. А ваши школьники могут выпускать газету?

— У нас в каждом классе и в каждой школе выпускают стенгазету.

Паскаль на минуту замолкает, а потом снова клюет меня вопросами: сколько надо платить за учебу в университете, за квартиру, за газ, за свет, за бензин, за метро, за обед в столовой?.. Прежде чем записать ответ, смотрит на меня испытывающе: это правда?..

Томас, 23 года, полиграфический институт в Штутгарте

Томас сидит на стуле основательно, широко расставив ноги и скрестив на груди руки. Толстый свитер домашней вязки, брезентовые штаны неопределенного цвета и возраста, ботинки, как гусеницы у трактора,— все основательно, рационально, под стать хозяину.

Заместитель директора института по связям с прессой поручил Томасу ответить на вопросы советских журналистов, и он основательно и добросовестно готов выполнить это дело так же, как и всякую другую работу.

Не дожидаясь вопросов, сам начинает рассказывать.

— Еще в школе я решил заняться рекламой. Купил фотоаппарат и летом работал в рекламном агентстве. После окончания гимназии работал год для разных рекламных агентств, а потом поступил в институт. Теперь я на третьем курсе. Все свободное время я провожу с фотоаппаратом...

— При поступлении в институт есть конкурс?

— Конкурса нет, нужно иметь хороший аттестат после гимназии. И еще я год работал в мастерских института, проявлял хорошие способности...

— Сколько было учеников у вас в классе?

— Двадцать семь.

— Им всем удалось поступить в институт или университет?

— Не знаю.

— А ваши друзья по гимназии где учатся?

— У меня в гимназии не было друзей.

— Где думаете работать после института?

— Мне хотелось бы начать свое дело, небольшое рекламное агентство, но не знаю... Для этого нужны деньги. Сейчас я получаю государственную поддержку, потому что у нас многодетная семья, я старший из пяти детей, а когда начну работать, должен буду часть этих денег вернуть.

— Как вы проводите свободное время?

— Ищу сюжеты, которые могут пригодиться для рекламы. Что еще? Политикой я не интересуюсь, ни в каких организациях не состою. Я считаю, главное для меня сейчас — учеба.

— Недалеко от вашего института мы видели на стене написанный краской лозунг «Федеративная Республика — не американский ракетный полигон!». Как вы относитесь к борьбе за мир?

— Я считаю это делом политиков.

— Вы думаете, этот лозунг написал кто-нибудь из политиков?

Томас смеется.

— Наверное, это сделал кто-нибудь из безработных. Им же делать нечего.

— Вы полагаете, что вас безработица не коснется?

— Меня? — Он задумывается. — Надеюсь, нет.

— Вы живете в общежитии?

До сих пор Томас говорил размеренным, подчеркнуто бесстрастным тоном. Сейчас он вдруг, не совсем понятно почему, оживает.

— У меня прекрасная комната в деревне, двадцать километров от Штутгарта.

— А как вы добираетесь до института?

— На велосипеде. В деревне раза в полтора дешевле. У меня отдельный вход, я почти бесплатно пользуюсь плиткой.

— А почему вы не живете в общежитии?

— Жить одному удобнее.

— А кто из современных писателей сейчас наиболее популярен среди студентов?

— Затрудняюсь сказать. У меня как-то на чтение не хватает времени. Я вам расскажу один случай. Нам в гимназии однажды преподаватель литературы читал отрывок из, не помню уже сейчас какого, романа прошлого века. Там парень сидит у ног своей любимой, мнет в руке травинку и думает: «Вот это и есть счастье — сидеть у ее ног, смотреть на нее... Сегодня, и завтра, и всегда». Ну что-то в этом роде. В классе стоял такой хохот.

— Может, вы хотите нас о чем-либо спросить?

Вопросов у Томаса нет...

Петра, 22 года

«Дорогие! Очень извиняюсь, что покинула вас так, без прощания. Но вы все спали, и я не хотела вас будить. Спасибо за вчерашний вечер и вообще за все. Я была очень рада с вами познакомиться. Может, когда-нибудь встретимся еще. До свидания. Хорошего полета. Ваша Петра».

Эту записку Петра написала утром, в темноте, когда уходила. А накануне вечером мы сидели, забравшись с ногами, на первом этаже двухъярусной койки и тихонько болтали.

— Как жаль, что я не могу позвать вас в гости. У меня хорошая комната, вот как эта. («Эта комната» длиной в две кровати, шириной тоже в две кровати и две табуретки. Сейчас мы видим ее через узкие просветы лестницы, ведущей на второй

этаж кровати.) Но там еще ничего не устроено. Нет даже печки... На рождество мне обещали работу с туристами. Потом я смогу купить печку, знаете, такую, у нас она называется масляная. А мазут буду покупать на бензоколонке, так дешевле. Вы думаете, это по-русски называется «мазут», что наливают в печку?

Я не знала, что заливают в «масляную печку», да и что такое «масляная печка» — тоже. Петра засмеялась.

— В сентябре я была в Ленинграде. Я себя там чувствовала как дома, нет, даже лучше, чем дома. В Петропавловской крепости я познакомилась с Люсей и Толей. Он сидел за мольбертом и рисовал. Я остановилась и стала смотреть. А Люся говорит: «Нравится?» Я сказала, что да. А она говорит: «А мне не нравится, нет настроения». Потом Толя и Люся показывали мне город, мы устали ужасно. Вдруг Люся говорит: «Вот наш дом. Зайдем?» Мы с Люсей жарили картошку, а Толя побежал в магазин за хлебом. А потом зашел еще Толин приятель. И он тоже с нами ужинал. Я маме рассказала. Она пришла в ужас. «Какие легкомысленные люди: пустили в дом незнакомого человека. Ты тоже хороша, пошла ужинать к чужим людям. Это просто неприлично».

Я маме говорю, они не легкомысленные, они живут легко, просто, открыто. Мне нравится, когда захотелось, и зашел.

Я всем рассказывала, как вы живете, какой у вас удивительный транспорт — метро, троллейбусы, — почти бесплатный. Мне даже не верили, что за пятак можно проехать в метро из конца в конец города. И какие у вас дешевые билеты в оперу и вообще в театр. За билетами в театр стоят огромные очереди и в Эрмитаж тоже. Вы были во Франкфурте в картинной галерее? Там же пусто. Даже по воскресеньям, когда вход бесплатный.

Мне почему-то проще разговаривать с русскими. Вы хорошо слушаете, вам интересно, что думает другой человек, а не просто из вежливости делаете вид, что слушаете.

И еще, конечно, я поняла, что русские не хотят войны и не думают о ней каждую минуту. Я, когда слышу по телевизору о «советской угрозе», не верю просто, и все. И всем знакомым говорю: «Это неправда. Поезжайте в Советский Союз и сами убедитесь, что я права».

А мама страшно сердится, когда я так говорю. «Это же политика. Не лезь не в свое дело. Меня выгонят с работы...»

Маму мне очень жаль. Вот уже два месяца я ее не видела, мы поссорились. У меня мама очень хорошая. Но она всего боится. Ей до пенсии 8 лет осталось, и она ужасно боится, что ее уволят, и она не получит пенсию и попадет в дом для бедных стариков. Это у нее навязчивая идея. Если ее начальница с ней не попросится, она весь вечер успокоительные таблетки глотает. Это так ужасно, всю жизнь бедная мама провела в страхе. Ведь я и русский язык знаю из-за этого страха. Да, да! Я сейчас объясню. Сначала я учила английский, я его прилично знаю. А мама говорит: «У нас связей нет, с английским тебе работу не найти. Будешь всю жизнь, как я, дрожать за место. Надо учить редкий язык и трудный». Стала я учить шведский. Мама подумала-подумала и говорит: «Нет, со шведским тоже далеко на уедешь. Шведы все английский или немецкий знают, не найти тебе работы со шведским». И тогда я стала учить русский. Но, в общем, мама оказалась права. Работу постоянную я так и не нашла.

Петра очень тихо говорит: «Я уже два года безработная. Мне утром надо очень рано уйти — отметить на бирже труда...»

ЧЕТВЕРО И ВОЙНА

Нина ЧУГУНОВА

Он говорит: если бы в него вдруг начали стрелять в зоне оккупации... Он не знает, что предпринял бы. Он солдат. Он сознательно стал солдатом — значит, в нем есть автоматизм действий солдата на войне. Солдат, говорит он, может стрелять не думая. Для него это, как язык, естественно. Стрелять: защищаться — убивать. Стрелять — убивать. Стрелять. Но иногда ему кажется, что он не смог бы защитить себя, стреляя, если бы в него начали стрелять в зоне оккупации. Возможно даже, он не предпринял бы ничего, чтобы спастись от выстрела.

Похоже, что он придумал эту сценку

и стал разыгрывать ее. Он, Нив Барзилай, студент, выступал в ней главным героем. В него стреляют... Он вооружен... Безоружен... Он очень долго шел в этой сцене неким кварталом, и пыльное стекло или дверца чьей-то машины отражали его черные вельветовые джинсы, и рубашку в клетку, и его лицо, выдававшее его, — лицо двадцатисемилетнего еврея-израильянина. Потом в него стреляли, и сцена раскалывалась пополам. В одном варианте он бежал, и отовсюду в него стреляли, со стороны он видел смерть человека в вельветовых джинсах, свою смерть. В другом варианте он сам стрелял, выхватив оружие, и на нем были уже армейские штаны и башмаки,

и привычно, расчетливо и умело он поливал выстрелами это опасное пространство: он был уже в состоянии войны, и лицо его уже не было ему приговором, не выдавало его под выстрел, а пугало их.

Кошмар повторялся, и он как заведенный то бежал от выстрелов по безлюдному кварталу, то стрелял сам, вцепившись в автомат.

Мы разговаривали в Новосибирске. Кроме Нива, в поездке по Советскому Союзу было еще несколько студентов из Израиля — арабов. Все они были общительны, и каждый охотно рассказывал о себе, о своих проблемах.

Война, о которой упоминается в названии очерка, — это несколько дней в июне 1967 года, когда в результате агрессивных военных операций против арабских государств израильскими войсками было оккупировано свыше шестидесяти тысяч квадратных километров земли, принадлежавшей арабам. Это та война, которая вызвала бурю протестов прогрессивной общественности во всем мире. Конфликт, вызвавший эту войну, до сих пор не исчерпан — израильские войска не ушли с захваченных территорий.

Но рассказывается в очерке не о войне, которую герои очерка помнят едва ли. Рассказывается о тех, кто стал жертвой этой войны, — о молодых арабах и израильтянах, вынужденных нести на себе бремя агрессивной политики израильского правительства. Каждый из героев очерка чувствует это в той степени, в которой способен понять молодой человек, живущий и, больше того, выросший в то время, когда была развязана агрессия, когда агрессия стала главной причиной того, что происходит вокруг.

Что значит жить в государстве-оккупанте! Как можно спастись от того, чтобы не стать жертвой, живя в государстве-оккупанте! Как бороться с государством-оккупантом! Безумно сложны вопросы для каждого из четверых. Война проходит через жизни своих жертв, и каждому предстоит искать выход.

Он есть. Он содержится в предложениях Советского Союза и других социалистических стран о путях урегулирования ближневосточных проблем, за него борются израильские коммунисты, за него ратует мировая прогрессивная общественность. Суть его заключается в том, что для подлинного мира на Ближнем Востоке должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 году арабских территорий. Должны быть реализованы неотъемлемые права арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства. Необходимо обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля.

Такой подход объединяет все больше молодых израильтян, однако путь к его пониманию непрост. Один из героев очерка, Нив Барзилай, по существу, в начале этого пути. Он приходит к коммунистам, но не стал еще коммунистом. Ему еще предстоит это...

Порой разговоры затягивались за полночь. Таким образом я представляю себе семью Сабета Абу-Раса, и знаю подробности истории, приключившейся с Назимом Бадером, и понимаю то, о чем рассказывал мне араб без клочка земли студент Мохаммед Бараке.

Нив Барзилай не участвовал в общих разговорах. Но слушал внимательно. Он мог, едва начав говорить, встать и уйти.

Так, например, он ушел, когда ему показалось, что он разоткровенничался, рассказав придуманную им сценку в двух вариантах. На следующий день вернулся к разговору.

Он просит его простить. Застенчивость — его главная черта, говорит он. Это его личная проблема, говорит он.

Так мы разговаривали с перерывами, и в общей сложности, может быть, получилось полчаса, не считая времени на перевод.

Не кажется ли ему, что все, чем он занят после армии, это только способ спастись от одиночества? Он говорил об одиночестве, когда рассказывал об армии. Пусть он вспомнит.

Он говорит, ему надо подумать. Выходит, полчаса разговора плюс время на раздумье. Во всяком случае, оно связано с войной. Это я знаю

точно. Одиночество и страх — это все связано с войной у Нива Барзилая, который обязательно должен был служить в армии, потому что он еврей, и в зоне оккупации обязательно будет сочтен оккупантом, и в зоне оккупации в него вправе стрелять как в оккупанта независимо от взглядов Нива Барзилая. (Он непохож на араба.) Его военная специальность — сапер. В любой момент его могут призвать снова — вызвать на переподготовку во время занятий в университете. Были случаи, когда с таких переподготовок студенты возвращались искалеченные каким-нибудь выстрелом или не возвращались совсем. Я не знаю, что происходило с Нивом после нашего последнего разговора перед его отъездом, когда ему показалось, что он нашел выход. Что он нашел выход на случай новой войны, когда его снова оденут в армейскую форму. Он хотел найти такой особенный выход, чтобы не быть оккупантом.

Во время старой войны шестьдесят седьмого года в двухстах метрах от Сабета Абу-Раса упала бомба. Он смотрел на ее полет без страха, как наблюдательный школьник. Ему было двенадцать лет. Бомба летела, падала и разорвалась — и он запомнил как бы показательный полет и взрыв, разросшийся небольшим деревом.

Он сидел на крыше отцовского двухэтажного кирпичного, лучшего в деревне дома, запоминая войну такой, какая она прошла через Калансаву. Он смотрел эту войну как кино. Он не имел к ней отношения, и отец не имел, и мать. Значит, их убить не могли.

Война проходила через Калансаву, деревню, где люди, сколько себя помнили, выращивали клубнику — земляной тут и жили продажей земляного тута компании. Война прошла через деревню, переступив через деревню, через поле, погубив поле. Там, где упала бомба, уже все сровнялось и теперь чисто. До этого граница была в полутора километрах. А теперь она была стерта.

С крыши Сабет видел, как армия входила в город. У дома стояла мать. Мать закричала (он подумал: она его зовет). Полетела бомба. Он сбежал с крыши. Но запомнил.

В этот день бомбой, летевшей оттуда (он не знал откуда), убило двух соседей. И пулей, неизвестно откуда летевшей, ранило в руку мать. Сабет запомнил последовательность: мать закричала, упала бомба.

Один убитый сосед был старый. Ему было пятьдесят пять лет. Его звали Хамиль Хадзиль. Хамиль Хадзиль всю жизнь продавал урожай земляного тута компании, а одним из членов этой компании, состоявшей из одних израильтян, был сам министр сельского хозяйства.

Хамиль Хадзиль никогда не думал, что делает со всей его клубникой министр, и не догадывался, по какой

цене идет в Европе его, Хамиля Хадзиля, клубника. Он никогда не ел клубнику, как в Европе едят, на десерт. Хамилю не хватало денег, Хамиль Хадзиль умер.

И говорили, Хамиль Хадзиль умер хорошо. Он не болел долго, так, чтобы стать в тягость; и вырастил детей; он прожил жизнь, и сколько бы ни жил дольше, жизнь его не стала бы лучше. И смерти он не запомнил — горя в его жизни она не прибавила. Люди говорили: Хамиль Хадзиль умер почти хорошо — не раньше, чем стал стар и вовсе истомился жизнью.

А вот другой убитый сосед по фамилии Салами успел жениться, и дети его успели родиться, но не успели еще вырасти, когда Салами умер в небольшом взрыве вместе со старым Хамилем Хадзилем.

Почему их убило вместе? Наверное, они вдвоем бежали по улице, преследуемые неминуемой смертью, хотя к войне не имели отношения, и, значит, их убить не должно было. Разве они могли просто стоять и разговаривать — и тогда о чем могли разговаривать молодой Салами и старый Хадзиль, стоя на виду у неминуемой смерти, о клубнике, что ли? Если попросить у компании повысить цену на продаваемую ей клубнику, то опять могут перекрыть воду в источнике, а это ведь ужаснее смерти. И тут их убило. Неужели их обоих убило справедливо — неужасной смертью?..

«Все живы», — сказала мать о семье дома вечером. В эти дни она еще не знала: в Газе бомба убила двух израильтян. Это были братья матери.

Как жил в это время Нив Барзилай, почти ровесник Сабета Абу-Раса?

Он говорит, что был воспитан так, что до двадцати трех лет ничего не знал о действительной жизни. Только личные проблемы. Абстрактное добро.

— Хочет ли он рассказать о своей семье?

— Нет.

На следующий день он сказал: ему понятно желание выяснить, на каком фоне происходит развитие личности. Это понятно. Мелочи, которые будто бы не имеют значения, а на самом деле определяют многое. Даже поздние убеждения. Но к нему эта теория не подходит. Семья не определяла его развитие. Он сам себя развивал. В детстве он и несколько друзей составляли «группу самосознания».

Нив Барзилай, усердно занятый самим собой. Разыскивающий в себе все новые недостатки. У него один враг — он сам. В конце концов он должен победить в себе все дурное. Каждый свой поступок и порыв он

анализирует. Добрый ли он? Нет, пока еще не совсем. Какое отношение имеют к нему окружающие? Если все искоренят в себе дурное...

— Имел ли он представление об истории? Хотя бы о том, что было до того, как он родился?

— Нет.

— Книжки?

— Он не читал книг. Он начал читать книги потом, в армии.

Рассказ Мохаммеда Бараке о том, что произошло до того, как он родился:

«Мои родители жили в деревне Сафури, это между Назаретом и Шфар-Амом. Во время войны 1948 года деревня была полностью разрушена, потому что арабы, жители деревни, оказывали сопротивление армии. Часть жителей бежала в Назарет, часть — в Шфар-Ам. Жители Сафури, которые не смогли или не захотели бежать, поселились в вади, долине реки. Они построили мазанки и стали выращивать гранат. Но в 1960 году израильтяне построили насос и всю воду из источника увели. Тогда последние из бывшей деревни Сафури пошли в Назарет. Они превратились в рабочих израильских хозяйств и на стройке. Я родился через семь лет после того, что произошло в Сафури. В Сафури у нашего рода была земля и дом у каждой семьи. В Шфар-Аме, где я родился, у нас не было и клочка земли, чтобы построить дом.

Я все это вспоминал, когда ехал из университета в Шфар-Ам на демонстрацию в День защиты земель. Мы, студенты, решили в тот день отправиться каждый в свою деревню. Я отправился в Шфар-Ам, хотя настоящей моей родиной должна была быть деревня Сафури, которой теперь нет. На демонстрацию пошли братья и отец. Старшую сестру мы оставили дома: она хотя и политически образованная, но все-таки женщина. Отца мы вернули домой, когда стало ясно, что будет столкновение с полицией. Когда я стал говорить приготовленную речь, один офицер стал толкать меня, крича: «Кто ты такой, чтобы говорить здесь о защите земель?» Тогда я указал на всех, кто меня слушал, и сказал, что говорю от имени каждого из собравшихся, потому что здесь нет ни одного человека, у которого не отняли бы земли, даже если он тогда еще не родился. И все меня поддерживали, потому что пришли действительно те, кто помнил или знал от родителей, как у арабов отбирали земли, чтобы на этих землях были созданы израильские поселения».

Нив Барзилай не знал, чьей была земля, на которой он родился, и рос как личность, и боролся со злом в себе. Может быть, эта земля не была ни у кого отнята, и, значит, за ним не было вины, когда он еще не родился. Но он не знал этого...

...Отец Сабета Абу-Раса самый уважаемый человек в Калансаве. Он был владельцем дома, лавки, семьи и дорогих костюмов из дорогих магазинов. И всего этого он добился сам, один, трудом, умом.

Абу-Рас изобрел молчание.

Нельзя, чтобы от неосторожного слова в смутные времена пошатнулось старательное и дорогое равновесие его жизни. Он не был ни глух, ни слеп, чтобы не видеть войну такой, какой она прошла через деревню, и не представлять ее там, за бывшей границей: он не был ребенком, как сын. Но изобретенное молчание было ему дорожке его личных соображений. Слишком долго он собирал деньги на лавку, чтобы перебраться в Калансаву, между тем как прежде жил вне Калансавы, как нищий, и деньги на дом, чтобы перебраться в него из мазанки. Дети беспрестанно появлялись. Он выкарабкался из почти нищеты! Когда подросли два старших сына и начали зарабатывать, он принялся за строительство дома, и строил его на виду у всей деревни, и подвозил материалы, и сам строил, и рабочих нанял. Кирпичный, двухэтажный, в двести квадратных метров площадью. На виду у всей деревни он надел лучший свой костюм и никогда больше не появлялся в арабской одежде, к которой привык, в которой проходили жизнь все мужчины его рода. Но укаль — головной убор — носил и строго, в законах религии воспитывал сыновей. Сабет любимый сын. Он позаботится о его политических взглядах, о костюмах. Деньги, связи и молчание в смутные времена — это все. Так считает Абу-Рас.

О существовании Джени он узнает, когда Сабет поедет в Иерусалим готовиться в университет. «Она еврейка?» — спрашивает он у жены. Он не хочет знать, как зовут девушку. «В этом никогда не будет необходимости», — говорит он сыну. Он видел издали девушку сына. Ближе она не подойдет...

«Он согласен, отсутствие каких-либо взглядов достаточно опасная свобода. Зато он был свободен (одинок), когда вступил во второй этап своей жизни».

Нив Барзилай разделяет свою жизнь на два этапа. Второй этап — армия. Все, что нужно было ему увидеть, чтобы «столкнуться с действительностью», он увидел в армии. Это его собственные слова.

Он говорит, возможно, это произошло бы и без армии. Даже, безусловно, это произошло бы все равно. Но в армии это получилось скорее. И ужаснее. Он сразу все понял. Он понял, что должен выжить. Это стало его целью. Он оказался на грани гибели. Он понял простую механику: сначала его должны были уничтожить

как личность, а потом сделать из него солдата. Каждое слово отдаляло его от семьи и от него самого. Он должен был стать человеком без имени. Что такое Нив Барзилай? Ничего, пустой звук.

«Еще он хочет добавить. Слабые в армии не выживают. Он был «слабым» — неготовым к войне».

Нив Барзилай попал в армию тогда, когда молодой Абу-Рас, гордость семьи, должен был ехать в университет — стать пятнадцатым образованным человеком в Калансаве. С этого момента их судьбы — еврея и араба — уже не могли совпадать. С этого момента оба не могли уже следовать предполагаемой судьбе. Очень скоро Нив разучился совершенствовать в себе одно добро, а молодой Абу-Рас не мог, как ждал того отец, подражать отцу. Сабет Абу-Рас нашел новых друзей. Нив Барзилай потерял последних. Его друзья детства из «группы самосознания» были вместе с ним в армии.

«Потом они все нашли способ уйти из армии. Спасись...» Он говорит: он начинал чувствовать, как он ненормален в этой ненормальной обстановке. Все ненормально. Сегодня он мог верить в дружбу и чувствовать это так сильно, что начинал даже испытывать что-то вроде ревности. Он был счастлив, думая, что нашел здесь живую душу. А завтра эта живая душа предавала его запросто. Он лежал на казарменной койке и готов был рыдать от одиночества. Тогда он начал читать книги. Все, какие мог достать.

Но Нив Барзилай стал солдатом. Он сделал выбор. Он решил это все пережить и посмотреть, что из этого получится. Он сумел стать солдатом и не «исчезнуть», не уничтожить себя, а сохранить. Потом он понял — какая там он личность!

...Первая повестка пришла Назиму Бадеру, другу, когда он начал учиться в университете. И поэтому он получил отсрочку. Но он знал, что после второй повестки его все равно потянут в тюрьму: он не собирался гробиться в армии. Он учился на двух факультетах, часто ездил домой в деревню и любил играть в футбол.

Его родная деревня находится в северной Галилее, там, где издавна селились друзья. Друзья, религиозная секта, отличают себя от арабов-мусульман своими священными книгами. Священные книги охраняли друзей. Священные книги могли читать только избранные друзья. Простые друзья пахали как простые арабы, просто веря в спасение. В семье Назима Бадера не было избранных. И никакие священные книги не могли хранить жизнь и благополучие друзей, когда начина-

лась война и друзья должны были служить в армии. Из деревни Бадера, которая называется Магар, на памяти Бадера погибли в последних войнах друзья последних призывов. Всего двенадцать человек, но и деревня Магар небольшая. А один приятель по детским играм и по футболу без правил вернулся искалеченным. Спустя три отсроченных года повестка пришла Назиму Бадеру.

После второй повестки Назим первый раз сидел в военной тюрьме № 14, которую потом, во второй раз, изучил досконально. В первый раз он просидел одиннадцать дней, и его выпустили, решив, что достаточно припугнули. Потом, поближе познакомившись с тюрьмой № 14, Бадер, сравнивая оба раза, решил, что в первый было сносно: камера большая, и выводили двор подметать.

Его отпустили, предупредив, что наутро он должен явиться на пункт призыва с вещами по адресу, указанному в армейской повестке.

С этого дня Назим Бадер исчез и вел жизнь преследуемого. Военная полиция дежурила у дверей его комнаты: они жалеют, знал Бадер, что упустили, не засадили его сразу надолго.

Бадер вел жизнь преследуемого в течение восьми месяцев. Только в университет полиция стеснялась ломиться — и Бадер учился вволю, правда, не мог уже изучать фармакологию. Но выходил из университета, когда друзья махали, что свободно и полиции нет у входа. И спал у друзей. Друзей было много, и поймать его никак нельзя было. Когда они играли в футбол, в любимую игру, кто-то сидел обязательно без дела, вне игры, как бы с больной ногой: он следил за полицией. Назим отказал себе в кино и дискотеке — подумаешь! — а в футболе отказать себе не мог.

Его схватили, когда он шел к девушке, которая потом стала его женой и родила ему сына Марджа, а пока он сидел второй раз и никто не знал, когда его выпустят, писала ему письма, каждый день два раза. Он шел к ней, думая, что о нем забыли...

Сначала его били.

Когда он пришел в себя, он присвистнул и немного развеселился. Он был уже настоящий «преступник». Камера, куда его бросили, была специально мала: два на три. В камере сидело восемь человек. Политическим был только он. Остальные были из местной мафии, наркоманы и воры. Когда через окошко ему просунули бурду, он приготовился сидеть несколько лет. Свежего воздуха уже не давали: решили, наверное, что подметаньем двора его не образумишь.

Он лежал на втором ярусе тюремных нар и думал...

Однажды его вывели, и повели по коридору, и в комнате для допросов задали первый официальный вопрос. Они спросили его, почему он отказывается служить.

— Арабы в израильской армии не служат.

— Но ты друг.

Глупо было объяснять бестолковому, что друзья тоже арабы, что нельзя разделять арабов и сеять вражду, так чтобы остальные арабы смотрели на друзей как на врагов. Что друзей отличают от остальных арабов только их священные книги, которые читает редкий друг, а он никогда не будет к ним допущен, потому что жизнь его с точки зрения религии не образцова. Забавно было бы прочесть этому бестолковому историческую лекцию о друзьях. Было бы чудо, если бы он понял Бадера.

— Ты псих, а не друг,— сказал бестолковый, отражаясь, как игральная карта, в полированном столе.

Больше его не били.

В камере драки были, но его не трогали. Он был сильный, даже против семерых наркоманов. Он мог их раскидать. И ему одному приходили письма целыми пачками. От девушки. От друзей.

Друзья хотели ему заменить газеты, тогда как девушка заменяла ему письмами свежий воздух. Она писала, что наступает жара... А друзья — он сидел в камере и, листая их письма, видел своими глазами Монреальскую олимпиаду, — они присылали ему отчеты о ней! И о футболе писали. А что касается главного, то они написали ему, чтобы он воспринимал сидение в тюрьме как важную работу.

Друзья не сообщили Бадеру, что студенческий комитет направил письмо министру обороны. Они требовали освободить Назима Бадера.

В тюрьме разрешалось: писать письма раз в неделю, посещения — раз в месяц, получать передачу — сигареты.

...Его ввели в камеру, разделенную надвое решеткой. По ту сторону стоял отец. Отец хотел подойти и схватиться за решетку, чтобы ближе разглядеть дорогое лицо Назима, но постеснялся или испугался решетки.

Надзиратель посмотрел на часы, чтобы не пропустить время, когда свидание кончится.

Надзиратель отстригал фильтры у сигарет, принесенных Бадеру отцом.

— Дома все в порядке,— сказал отец.

— А мать? — спросил Назим, думая о ней.

— И мать здорова.

— Ты говори,— сказал Назим,— он не понимает арабский. Он бестолковый. Говори, что есть.

— Дома все в порядке,— сказал отец.— Ты должен это знать — все тебя поддерживают. И мать тоже.

Назим поверил и успокоился.

— Как ты? — спросил отец, приехавший из деревни Магар, где мать горевала, что сын ее как преступник. Сын ее Назим стоял за решеткой чисто выбритый. В военной тюрьме номер четырнадцать следили особо, чтобы преступники — наркоманы, воры — были чисто выбриты.

— Как я? — переспросил Назим.

— Ты не думай,— сказал отец, видя, что продолжать сын не хочет,— не думай ничего такого. Правда, некоторые твои друзья все-таки пошли в армию.

— Они не друзья,— сказал Назим, вспомнив лица друзей детства.— Теперь.

И надзиратель бросил Назиму сигареты, а фильтры ссыпал в бумажку. В фильтры можно запрятать записку. Через месяц пришел университетский друг Радж и принес сигареты. Через месяц еще кто-то. Через два месяца, а всего прошло четыре, Назима опять вызвали. Он думал: кто бы это мог быть? Он гадал кто.

Тюремный врач держал перед собой трехгодичной давности медицинское заключение: Назим Бадер, двадцати одного года, абсолютно здоров.

— Ты псих,— сказал врач,— ты что, серьезно утверждаешь, что ты араб? Ты ненормальный. Тебе лечиться надо.

Назим засмеялся.

— Ты продолжаешь это утверждать?

— Продолжаю,— сказал Назим,— конечно, продолжаю продолжать утверждать.— Он думал, сколько лет это будет продолжаться.

На следующий день Назим Бадер, двадцати четырех лет, абсолютно здоровый, стоял на свежем воздухе. Было 18 октября, и жара спала, и шла осень. Он подсчитал: 23 июля — 18 октября. То, что 18 октября он стоял на улице и дышал «воздухом свободы», уже не казалось ему чудом. Вместе с вещами ему выдали справку: Назим Бадер был неизлечимо болен. Особенность заболевания — большой склонен к беспочвенным утверждениям, что является арабом.

Бадер вдохнул воздух, который был свеж. Начиналась осень. Он никогда не будет иметь отношения к войне.

— Ты не псих, ты, наверное, коммунист,— сказал ему надзиратель, выдавая вещи.

— А фильтры? — спросил Назим.

Он так и не узнал тогда о письме министру обороны. Было бы чудом, если бы министр ответил его друзьям. Вот что было бы действительно чудом.

...Он говорит, помните, он говорил о «группе самосознания». Многие не выдержали армии и ушли все, кроме него. Есть способы. Найти врача, например.

— Почему же он не воспользовался этим?

Нив Барзилай усмехнулся и замолчал.

Он говорит, возможно, потому, что к тому времени он нашел в себе более серьезные отклонения от нормы.

Мысль о встрече в зоне оккупации, похоже, пришла ему в голову во время разговора. Он стал размышлять на ходу, пока его слова переводили.

Хочет ли он рассказать о военных действиях, о войне?

— Нет. Он дал подписку.

И тут, наверное, он представил этот случайный выстрел вне войны, но оттуда, со стороны войны. Он увидел себя сразу в двух вариантах этой сцены: стреляющим (он все помнил!) и убитым. Он извинился и ушел.

...Сабет Абу-Рас — жизнерадостный человек. Он всегда хотел быть в прекрасных отношениях со всеми. Когда он еще жил в доме, где квартировали восемнадцать студентов, он старался со всеми быть в прекрасных отношениях. Там один был крайне правый, Иоси Коген. И арабы с ним не разговаривали. Но Сабет не хотел придумывать проблемы. «Мархаба, привет, Иоси», — говорил он крайне правому Иоси Когену. Иоси Коген смеялся и называл Сабета полуевреем. А Джени это бесило.

— Ты что, не понимаешь? — кричала она Сабету.

Махраба, Иоси Коген! Ты, может быть, видел с земли, как несколько лет спустя «полуеврей» Абу-Рас летел над землей на вертолете как пленный из-за того, что он араб?

Сабет Абу-Рас любил геологию. Он мечтал жить трудно и без денег, лишь бы выучиться и полететь над страной, и взглядом ученого пронзить тонкий поверхностный слой земли, на котором строились дома, и девушка Джени, не смеяшая сказать папе и маме, что ее парень — араб, ждала его в их квартире за телевизором. Абу-Рас начал собирать коллекцию минералов всей земли, всех стран, чтобы потом сравнить эти минералы и увидеть, как едина земля.

Он хотел заниматься аэрогеологией. Он и полетел. Когда пришло время

практики, его посадили в вертолет, чтобы он, араб, не разглядел вблизи военные объекты. Так ему честно сказали.

Он не стал смотреть на землю. Он все понял. Никогда он не сможет быть просто геологом. Он будет геолог-араб. Никогда он не сможет привезти Джени в Калансаву. Он однажды попробовал — отец закрыл двери. Он не появится вместе с Джени в дискотеке, где его знают как араба, он работает там кассиром. И так далее. Наверное, думает он, нужно вечно быть студентом, чтобы никакие проблемы, как-то: работа, Джени — не пришлось наконец решать. Он вечно будет учиться и бегать по заработкам, а Джени будет вечно ждать его у телевизора. Пока хватит терпения у него и Джени.

(Его отец, старший Абу-Рас, к старости стал все больше походить на старого Хамиля Хадзиля. На не имевшего денег Хамиля Хадзиля. На убитого взрывом Хамиля Хадзиля. На простого араба.)

...Нив Барзилай сам вернулся к разговору.

— В прошлый раз мы говорили о войне.

Пожалуй, это так и было.

Он говорит, он долго думал над этим вопросом — как он должен себя вести, если снова окажется в армии и будет война.

Опять он очень долго молчит. Он мнет пальцы.

«Ну, может быть, так. Поскольку он командир небольшого подразделения, то он бы стал делать все, чтобы на этой войне каким-то образом уберечь от смерти своих подчиненных. Спасать людей от выстрела. Наверное, больше ничего не придумаешь?» Потом он еще думал. Он хотел бы совсем не иметь к этому отношения. Он представлял: он вооружен, безоружен... Он снова был беспомощен и одинок. Он думал — должен быть какой-то особенный способ выпутаться из всего этого. Должен быть... Должен быть...

Такая вот это история, в которой жертвами несправедливой войны стали не только те, кто погиб в ее пламени, но и родившиеся после нее, потому что последствия этой войны приносят и будут приносить беды до тех пор, пока не восторжествуют силы, выступающие за реальный, обеспечивающий безопасность всех государств этого района выход из ближневосточного тупика.

Эти силы день ото дня растут и крепнут среди арабов и израильтян, все успешнее противостоящих усилиям американской дипломатии превратить сепаратный антиарабский сговор правящих кругов Израиля и Египта в более широкое соглашение капитулянтского типа.

Всю неделю, что мы находились среди партизан, жизнь на посту имени Аполинарио Серрано определялась ритмом ежедневных операций. Как только опускалась ночь — в то самое время, когда радио хунты сообщало в сводке новостей о том, что революционное наступление разбито, — мы видели, как формируются при свете луны ударные отряды, которые через два или три часа будут сеять панику среди солдат гарнизонов Сан-Мигель-Мерседес, Лас-Вуэльтас или Сан-Антонио-Ла-Крус.

Все проходит согласно неукоснительному ритуалу: в разных концах лагеря без лишнего шума юноши и девушки (как правило, им не больше 22—23 лет) собираются вокруг своего командира для последнего короткого инструктажа. Тихим спокойным голосом командир сообщает им название пункта, служащего объектом налета, и на общем плане, разложенном прямо на земле, обозначает позиции противника и пути, ведущие в деревни.

Каждый отряд отправляется на задание, не зная, как и когда вступят в действие остальные силы. Бойцы уверены лишь в одном: в течение всей операции их будут прикрывать отряды, которые контролируют дороги, ведущие к вражеским постам. Возможный подход подкреплений противника остановят самодельные мины, подрываемые на расстоянии. Это примитивное, но грозное оружие, способное уничтожить даже бронетранспортеры, является плодом народной изобретательности и создается в подпольных мастерских, разбросанных в горах.

Эти последние собрания перед атакой очень коротки. Задания просты и точны. Лица бойцов, серьезные и напряженные эти несколько минут, вновь расцветают улыбками, которые не сходили с них в течение всего дня. Поскольку, несмотря на преследования, на ежедневные трагические события, на подстерегающую смерть, среди партизан неизменно царит поразительно хорошее настроение. И когда отряды покидают наконец лагерь после скромного и быстрого ужина, состоящего из кукурузных лепешек и красной фасоли, можно подумать, что это группа бойскаутов, отправляющаяся в поход.

Конечно, у армии, национальной гвардии, отрядов полиции и крайне правых отрядов впечатление о них иное. Об этом можно судить по перехваченным партизанами радиосообщениям, в которых осажденные солдаты с отчаянием взывают о помощи. С первых же стычек офицеры хунты запрашивают немедленного вмешательства авиации и артиллерии. Так, после нападения партизан на подразделения правительственных войск в Лас-Мерседес и Лас-Вуэльтас, где вооруженные силы потеряли более пятидесяти солдат, три партизанские базы, расположенные вокруг Чалатенанго, подверглись массированному обстрелу и бомбардировкам. Это были

жаркие дни для командного пункта имени Аполинарио Серрано.

Под огнем крупнокалиберных минометов и пушек, под непрерывными атаками небольшого истребителя-бомбардировщика, прилетевшего со стороны гондурасской границы, и вертолета, оснащенного крупнокалиберным пулеметом, бойцы проявляли исключительное хладнокровие. Они уже давно приняли меры на случай подобных ответных ударов противника. При первых же взрывах партизаны организованно покидают деревню и укрываются в траншеях, вырытых на склонах холмов вокруг лагеря. Отсюда они могут оказать сопротивление в случае действий пехоты противника и даже попытаться сбить пулеметным огнем самолет или вертолет.

Грохот взрывов и треск стрельбы из автоматического оружия рождают здесь не страх, а приступы гнева и ненависти. Припав к своим винтовкам или спрятавшись в укрытиях, мужчины, женщины, дети не молят небо о пощаде, а стремятся излить свою ненависть к врагу. Даже в самые тяжелые моменты они не перестают сознавать, что смирение и отчаяние недопустимы перед лицом врага, полного решимости уничтожить их. Я надолго сохраню в памяти эти полные гнева выкрики, раздававшиеся в укрытии после каждого взрыва: «Убийцы! Мерзавцы! Смерть тирании!»

На учениях и в боевых действиях девушки проявляют часто даже больше мужества, чем их товарищи. Марисоль считает, что это очень положительный фактор. Каждое утро она обучает смешанные группы новобранцев владению оружием и тактике незаметного приближения к позициям противника. Она отмечает, что смелость и самоотверженность девушек служит эффективным мобилизующим фактором для партизан, в которых еще сильна идеология их отцов. Она улыбается, когда мы спрашиваем ее, действительно ли революция успешно изживает психологию мужского превосходства. «Да, но еще не окончательно. Слишком много мужчин думает, что война — это их дело, и слишком много женщин соглашается с этим!» Однако место, которое занимают женщины в вооруженной борьбе, не так уж незначительно: в каждом партизанском взводе насчитывается по меньшей мере две женщины-бойца. Главный врач лагеря, инженер фортификационных работ, ответственный за связь, военный корреспондент — все это женщины. Женские руки готовят взрывчатку в подпольных мастерских. Конечно, за женщинами неизменно остается привилегия, без которой, кстати, наиболее молодые из них с удовольствием обошлись бы, работать на кукурузной мельнице и готовить еду. Конечно, есть еще мужчины, требующие, чтобы их зачислили в те отряды, где женщин поменьше. Но по мере того как нарастает революционная война, психология людей быстро меняется.

Хладнокровная решимость некоторых женщин-бойцов иногда даже кажется чрезмерной. Восемнадцатилетняя Ирис, крупная крестьянская девушка с заразительным смехом, в течение трех дней буквально осаждала партизанский штаб, чтобы добиться разрешения участвовать в бою в Сан-Мигель-Мерседес. Будучи ответственной за все военно-инженерные работы в лагере, она, однако, хорошо понимает, что более полезна в тылу, чем на передовой. Патрисиа, четырнадцати лет, застенчивая и очаровательная девушка с красивыми темными волосами, служит примером для бойцов, проявляя исключительное мужество и прекрасное владение техникой боя. «Я счастлива, — говорит она мне еще неустоявшимся голосом, — что враги слышат, как мои пули свистят над их головами».

Ее подруга Ирене с трудом скрывает свое разочарование, когда ей не разрешают участвовать в операции; Лусиа (21 год), похожая на благовоспитанную девушку из добропорядочной семьи, хочет во что бы то ни стало сопровождать идущих на задание бойцов, с тем чтобы сделать на месте фотографии; Эва (15 лет) выскакивает из укрытия в промежутке между двумя взрывами минометных снарядов, чтобы принести в бомбоубежище перевязочный материал для раненого.

Вы скажете, что все это ужасно? Да, но кто в этом виноват? Брат Патрисии умер полгода назад под пытками, которым его подвергли солдаты национальной гвардии. Вся семья Ирене была убита солдатами 14 мая прошлого года недалеко от Рио-Сумпуль вместе с 600 другими крестьянами, изгнанными с фермы, которую они самовольно заняли. У всех еще живы в памяти страшные картины массовых убийств, совершившихся в течение двух лет в деревнях департамента Чалатенанго: зверства отрядов ОРДЕН, расстрел профсоюзных деятелей, дома которых указывали национальной гвардии члены фашистских «эскадронов смерти», старики, изуродованные ударами мачете, сожженные дома и посева.

Именно такие события и воспоминания побуждают с каждым днем все новых крестьян вливаться в ряды народной армии: в Лос-Альтосе, беззащитном мирном поселке, где бомба, сброшенная с самолета, убила маленькую девочку, в Потонико, где за два дня до прихода партизан были найдены зарезанными пять активистов одной народной организации.

Все, от самой молоденькой девушки-бойца до самых бывалых партизан, знают, за что они сражаются. Поглаживая рукой новенький гранатомет, который ей недавно доверили, Патрисиа уверенно говорит, выражая чувства всех своих товарищей: «Знаешь, после войны наступит мир и будет создано новое общество, отличное от того, в котором мы живем. Все мы будем наконец братьями и будем равны».

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

● НЕВИННОЕ КОВАРСТВО АЛЬБИОНА ● В ЭТОЙ
ИСТОРИИ ПРИСУТСТВУЮТ И ПОЛИТИКА И РАСИЗМ
● ЖЕНЩИНАМ — ТРОГАТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ
● ЭТО НЕЧТО БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ● ГРЕЗЫ СЕМ-
НАДЦАТИЛЕТНЕЙ ЖОЭЛЬ ● ЯД «СЕРДЕЧНОЙ
ПРЕССЫ» ●

МИСС ЛУКОВЫЙ СУП ПРОТИВ МИСС БАРАНЬЕ РАГУ

Жан КО,
французский журналист

— Возьмем, к примеру, выборы Мисс Мир. Вы скажете, все просто, титул должна завоевать самая красивая девушка. О, вы не знаете коварство Альбиона. Уже многие годы этот конкурс организует «Мекка» (английская компания). Жюри на 90 процентов состоит из англичан. Само собой разумеется, у Мисс Великобритании больше шансов на успех, чем у Мисс Португалии или Мисс Франции. Для рекламных целей отелей, дансингов, игорных и питейных заведений «Мекки» это более удобно. Вы меня поняли? И наконец, сюда примешивается даже политика. Хотите верить, хотите нет, но в свое время американцы на выборах Мисс Вселенной поклялись, что пока у власти во Франции де Голль, не может быть и речи о том, чтобы титул завоевала француженка. И потом, мы, французы, слишком прямые, честные люди. У английских же менеджеров полно хитрых трюков, которыми они пользуются с абсолютным бесстыдством. Девушкам советуют «скрывать недостатки за номерным знаком», под которым те участвуют в параде будущих мисс; гримируют «нужных» претенденток, чтобы те лучше выглядели при ярком свете; покрывают их тело лаком, чтобы оно красиво блестело... Да много еще всего... Вы считаете, что это честно? Но это еще не все. Мисс Мир выбирают в Лондоне. Казалось бы, и все. Мир ведь не тридцать шесть. Так нет, в Соединенных Шта-

тах еще выбирают Мисс Вселенную. Что бы это значило? Разве на Марсе или Венере есть мисс? Но, видите ли, в США им нужны свои мисс, чтобы председательствовать на конкурсах бог весть чего. Я уж не говорю обо всех остальных мисс рангом пониже. Мисс Кока-кола, Мисс Яблочный пирог. Беда в том, что все это проникает и во Францию. У нас уже есть Мисс Новое бужеле (марка вина). В один прекрасный день появится Мисс Луковый суп и Мисс Баранье рагу. К этому все идет. Каждая фирма хочет иметь свою мисс. Скоро девушка без титула просто не посмеет выглянуть на улицу.

И здесь инфляция. Естественно, все эти девушки теряют способность трезво оценивать себя. За титул какой-нибудь мисс они готовы на все. Я не знаю, помните ли вы Мюгетту Фабрицио. Она получила заветный титул, а ее побежденные соперницы пустили в газетах «утку», будто у нее вставная челюсть. Дело передали в суд, скандал на всю страну. Хорошо, что Мюгетта вышла замуж. Иначе ее соперницы сочинили бы еще что-нибудь...

Месье Рембо великолепен, сама порядочность и добродетель. Комитет по избранию Мисс Франции, созданный им в Марселе, конкурирует с таким же комитетом в Париже, считающимся официально признанным. Парижским комитетом руководят месье и мадам де Фонтени.

— Обращаю ваше внима-

ние, что лет десять назад одна из их мисс стала гангстером. Вы были у них в конторе? Это же бывший гараж. А живут они? В ко-ну-ре,— подчеркивая каждый слог, говорит месье Рембо.— Это унижительно для Франции, что в такой обстановке выбирают самую красивую девушку страны.

Мадам де Фонтени, рослая дама, минимум метр восемьдесят пять, одним взмахом руки отменяет всяких там Рембо и прочих. «Настоящий комитет — это мы». Я встретил ее в маленькой студии, которую мать Патрисии, Мисс Франции, сняла в Париже, чтобы дочь ее, пока носит этот титул, могла устраивать балы.

— Мадам, как вы ищете претенденток?

— По всей Франции и во всех заморских территориях проходят выборы местных

мисс,— говорит мадам де Фонтени.— Затем в Париже в конце декабря устраиваются выборы Мисс Франции. Участвуют красивые девушки с безупречной репутацией...

— А когда девушка стала Мисс Францией, какие у нее обязанности?

— На протяжении всего года «царствования» она участвует в балах примерно два раза в неделю, получая 700 франков за вечер, представляет моды сезона, ездит в рекламные поездки за границу. Это не такое уж великое счастье, но, во всяком случае, лучше, чем торговать в супермаркете.

Я согласился, что лучше. Мы весело болтали с мадам де Фонтени, и я совершенно забыл о присутствии Патрисии и ее матери. О присутствии нашей Мисс Франции, которая недавно в Лондоне заняла третье место в конкур-

се на звание Мисс Мир вслед за Мисс Гуам и Мисс ФРГ.

— Вы довольны результатом? — спрашиваю я Патрисию.

Отвечает за нее мадам де Фонтени:

— Да, да, это беспрецедентный случай. Для француженки занять третье место в Лондоне — это подвиг. — Она продолжает эту тему, и я снова забываю о Патрисии — 17 лет, 80 сантиметров, 60 сантиметров, 80 сантиметров и 1 метр 75 сантиметров. Очень красивая. Неболтливая. «...Я учу английский, немецкий и испанский языки». — «Великолепно!» — «Она еще и поклонница Виктора Гюго! Найдите среди мисс поклонниц Виктора Гюго!» — восклицает мадам де Фонтени. Нет, она не огорчена, говорит Патрисия, что заняла только третье место, да, она занимается танцами, интересуется комедией. Все, точка. Конец интервью. Она красива, но слишком молчалива, так же как и ее мать. Будто мадам де Фонтени нажала какую-то кнопку, и микрофон выключился.

Если бы я был известным социологом, я бы, наверное, написал, что в этой истории присутствуют и политика

(ведь многие страны бойкотируют выборы) и расизм. Я сказал бы: «Выборы Мисс Мир — это способ для Запада продемонстрировать с помощью средств массовой информации (600 миллионов телезрителей смотрят это представление) свой собственный образ и представить его стереотипно нерушимым и неизменно побеждающим. Королева Мира, олицетворяющая стандарт красоты, всегда была белокожей и чаще всего светловолосой. Если же, случайно, она не была таковой, то никогда не представляла собой расу, прямо противоположную расе светловолосых и светлокожих. В этом случае королева являла собой, так сказать, доброкачественную экзотику. Она могла быть тайтянских, испано-ацтекских или евроазиатских кровей, но главное — ее красота отвечала нашему стандарту, стандарту Запада».

Вот что примерно сказал бы со знанием дела известный социолог, который разбирается в такого рода вещах. И, честно говоря, это не такой уж глупый взгляд. А если хорошенько подумать, то даже весьма умный. Надо бы поговорить об этом с месье Рембо из Марселя.

[Журнал «Пари-матч», Франция]

Перевела с французского С. ФЕДОРИНА

«ВО СНЕ ПЕРЕДО МНОЙ
КРУЖАТСЯ
АВТОМОБИЛИ»

Даниэль ЛЕДЕРМАН,
французский журналист

Печать, радио, телевидение ежедневно проявляют к женщинам трогательное внимание. Так, например, газета «Вуа дю Нор» посвятила им свой репортаж «Счастье быть работницей на заводах «Рено». Две из них восхваляли достоинства этого предприятия, расположенного в городе Дуэ, где они чувствуют себя свободными, счастливыми и вполне на месте. Конечно, «это не рай», как признается одна из них, «но все же нам здесь неплохо». «Вполне можно работать на заводе и оставаться очаро-

вательной и женственной, мне хорошо платят за работу, которую я делаю, и темпы ее вполне приемлемы». А кроме того, имеются преимущества...

Чтобы убедиться в этом воочию, мы поехали в Кюэнси, предместье Дуэ. Завод, который согласно репортажу лелеет своих работников — 7369 человек, в том числе 711 женщин, — предстал перед нами бурлящим. Статья в «Вуа дю Нор» вызвала такое возмущение, что двум женщинам, давшим интервью, объявили бойкот все,

кто работал с ними в одном цехе, и на заводе была распространена петиция с требованием выступить с ответом.

Нужно было видеть и слышать этих женщин, работающих на заводе «Рено». Усталые лица, возмущенные голоса. «Прежде, — рассказывает Эдит, — я была продавщицей в Париже. Потом я решила вернуться к себе на родину. Вначале мне было трудно приспособиться к темпам. Всю ночь во сне у меня перед глазами кружились автомобили. Я почти каждый день плакала. За смену в 1977 году через цех шасси проходил 131 автомобиль. Сегодня производится 300 автомобилей при меньшем числе рабочих. Завод «Рено» — это нечто бесчеловечное». О темпах говорит и Франсина из цеха мелких сварочных операций: «Темпы работы постоянно растут. Уже к среде ты просто остаешься без сил. В моем цехе работает приблизительно 440 человек, из них пятьдесят — женщины. У женщин самый низкий квалификационный коэффициент на заводе — 165. Для мужчин коэффициент 170 или

175, благодаря этому они получают на 300—400 франков в месяц больше...»

Возможности роста на заводе «Рено»? Восемьдесят процентов женщин относятся к низкоквалифицированным рабочим, и большинство из них выполняют изнурительную работу на конвейере. Нет никаких шансов выйти из этого круговорота. На заводе имеется только одна единственная женщина-инженер.

Судороги от перенапряжения, базедова болезнь, нервные заболевания и депрессии... А ведь на заводах «Рено» люди не имеют права болеть. После трехмесячного отсутствия у вас остается очень мало шансов вернуться на прежнюю работу. Болезнь — главная причина увольнений. Больше всего страдают женщины, ибо «им не прощают беременность и детей».

Трудно быть женщиной на заводах «Рено», трудно быть женщиной во Франции. Презрение, цинизм и жестокость царят на заводах Бидермана в городе Ольной. Работнице, которая пожаловалась ди-

рекции, что ей приходится на ее рабочем месте поднимать большие тяжести, ответили: «Не беспокойтесь, это пойдет вам только на пользу и разовьет грудь». Другой работнице, которая попросила перевести ее на менее тяжелую работу, так как она проходила в это время сложный курс лечения, чтобы иметь ребенка, дирекция отказала. «Эта женщина вынуждена была остаться на прежнем, крайне тяжелом рабочем месте — у пресса. Состояние ее здоровья резко ухудшилось, ей пришлось лечь на операцию. Теперь у нее никогда не будет детей...»

Положение работниц на севере Франции не является каким-то особенным. Департамент Нор не представляет собой изолированный остров, отрезанный от остальной части страны. Даже в докладе о «дискриминации и неравенстве в области женского труда», недавно представленном по просьбе самого министра труда, признается «наличие серьезной дискриминации, несмотря на теоретическое равенство».

Дискриминация, которой подвергаются женщины, затрагивает все стороны их жизни. При сокращении штатов именно они в первую очередь теряют работу. Они составляют большинство безработных (более 60 процентов), несмотря на то, что они составляют лишь 43,1 процента экономически активного на-

селения. Причем их безработица бывает более продолжительной, чем у мужчин. Женщину чаще отказываются принимать на работу, потому что она жена и мать (реальная или потенциальная). Для женщин опасность потерять работу больше, чем для мужчин.

Вынужденные выполнять только так называемую «женскую работу», женщины лишены возможности повышать профессиональную квалификацию. Уже отмечается весьма заметный разрыв в профессиональной ориентации юношей и девушек, вследствие чего девушки оказываются в более невыгодном положении на рынке труда, где существует жестокая конкуренция. Очень часто их квалификация не признается, и поэтому они недостаточно представлены на ответственных должностях.

Женщины зачастую работают в более трудных условиях, чем мужчины. Их уделом чаще бывает сдельная работа, работа на конвейере, сдельная оплата. Они в среднем получают меньше, чем платят за так называемый мужской труд: выполняемая ими работа относится к числу тех, которые чаще всего приводят к нервному переутомлению.

Таким образом, что касается французских женщин, радоваться нечему.

(Газета «Ви увриер», Франция)

**ПОД ВЕНЕЦ!
ПОД ВЕНЕЦ!
ПОД ВЕНЕЦ!**

**Леонор СИМОН,
французская журналистка**

Жоэль семнадцать лет. Она учится на курсах делопроизводителей в Париже. Отец — водопроводчик, мать занята с двумя младшими детьми. Дома уже нет бедность, которая хранит свое достоинство, а откровенная нищета: постоянные ссоры, обиды, беспорядок и грязь.

— Каждую неделю я покупаю «Ну дё» и «Энтимите» («Мы с тобой» и «Интимность» — журналы в основном для женщин.— Ред.). Это

мой праздник, без этого я не могла бы жить. Сначала читаю я, а потом мама. От отца мы скрываем, он считает, что это ненужная роскошь. Я читаю только любовные истории, а потом мечтаю...

Очевидно, Жоэль надеется найти прекрасного принца, как в фотороманах, и выйти за него замуж.

— Когда я была маленькой, я мечтала стать врачом, но у меня не хватило... (она подыскивает нужное слово) способностей, и я решила

стать делопроизводителем... Теперь я мечтаю... (она минутку колеблется, потом решает быть откровенной) выйти замуж за доктора... Он высокий блондин с голубыми глазами... У меня подвенечное платье цвета слоновой кости (она открывает журнал и показывает картинку — необыкновенная красавица в светлом платье с алыми розами счастливо улыбается читателям, рядом высокий блондин с голубыми глазами демонстрирует отлично сшитый костюм на отличной фигуре)... У нас будет квартира возле Люксембургского сада и белая спальня...

Жоэль, как и двадцать миллионов других женщин и мужчин, каждую неделю пожирает душеспитательные истории — фотороманы. Красивые фотографии, краткий текст, образы героев четки, конкретны, сюжет прост, и всегда счастливый конец. Добрый хозяин повышает герою зарплату, и он может повести любимую под венец. Сын владельца предприятия влюбляется в миловидную добросовестную работницу и после ряда забавных недоразумений ведет ее под венец. Доктор влюбляется в медсестру и... ведет ее под венец. Счастливая любовь и свадьба обязательны в каждом произведении «сердечной прессы».

— Если бы герои фоторомана были похожи на меня, на моих соседей, на моего от-

ца (она усмехается), я бы и в руки не взяла журнал. Это было бы совсем неинтересно. А так это как сказка о добрых феях...

Каждую неделю Жоэль принимает свою дозу мечтаний. Считается, что это помогает ей жить, перевязывает раны монотонных невыносимых будней.

— Когда читаешь эти истории, кажется, что они как в жизни. Потом, конечно, если подумаешь, понятно, что так не бывает. Ну и пусть. Зато можно мечтать. А когда я мечтаю, я даже не слышу, как отец с матерью ссорятся. Иногда отец позовет меня, а я не слышу, а потом даже понять не могу, где я и что ему надо от меня...

«Сердечная пресса» подоспела вовремя. Она приучает людей к смирению, к принятию установившегося порядка, к мысли, что все зависит от счастливого случая. Плохи дела — судьба, хороши дела — тоже судьба. Все само собой образуется. Конфликты в мире фотороманов разрешаются с помощью добрых чувств, а личные, лучше любовные, отношения единственно возможные между представителями разных классов. Борьба? Зачем? Если всего можно достигнуть счастливым замужеством. Удачный брак — самый короткий путь к благополучию...

Торговый оборот «сердечной прессы» достигает 50 миллионов франков.

(Еженедельник «Юманите диманш», Франция)

Перевел с французского
Л. КАНЕВСКИЙ

КНОПКА

Рассказ

Посылка стояла перед дверью — картонная коробка, заклеенная лентой. На коробке от руки были написаны их адрес и фамилия: «Мистер и миссис Артур Льюис, 217 Е. 37-я улица, Нью-Йорк, 10016». Норма взяла коробку, открыла дверь и вошла в квартиру. Начинало смеркаться.

Она поставила разогревать котлеты, сделала себе коктейль, села и открыла посылку.

Внутри был ящичек с кнопкой, которую закрывал стеклянный колпак. Норма попыталась поднять колпак, но он не поддавался. Она перевернула ящичек и увидела листок бумаги, приклеенный «скотчем» к деревянному корпусу. На листке было написано: «Мистер Стюард зайдет к вам сегодня в восемь вечера».

Норма поставила ящичек рядом с собой на диван, отпила из бокала, перечитала записку и улыбнулась.

Через несколько минут она уже готовила салат.

Звонок раздался ровно в восемь вечера. «Я открою!» — крикнула Норма из кухни. Артур сидел в гостиной и читал.

Перед дверью стоял человек маленького роста. Он снял шляпу и вежливо спросил:

— Миссис Льюис?

— Да. В чем дело?

— Я — мистер Стюард.

— Понимаю. — Норма чуть не улыбнулась, но сдержалась. Ясно, он попытается им что-нибудь продать.

— Можно войти? — спросил мистер Стюард.

— Я очень занята, — сказала Норма. — Но все-таки принесу вам эту штуку.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Вы не хотите узнать, что это?

Норма посмотрела на мистера Стюарда. Его тон показался ей оскорбительным.

— Не думаю, — ответила она.

— Эта штука может оказаться весьма ценной.

— В смысле денег? — вызывающе спросила она.

— Именно, — кивнул мистер Стюард.

Норма нахмурилась. Разговор ей не нравился.

— Что вы пытаетесь нам продать? — спросила она.

— Ничего, — последовал ответ.

Из гостиной вышел Артур:

— Что тут происходит?

Мистер Стюард представился.

— А, — Артур ткнул пальцем в сторону гостиной и улыбнулся. — Интересно, что это за штука?

— Я могу все быстро объяснить, — сказал мистер Стюард. — Вы разрешите мне войти?

Артур взглянул на жену.

— Решай сам, — обронила она.

Артур секунду колебался и сказал:

— А почему бы, собственно, и нет?

Они прошли в гостиную, мистер Стюард уселся в кресло Нормы. Он залез во внутренний карман пиджака и достал маленький запечатанный конверт:

Рис. Н. БЕНУА

— В нем ключ от стеклянного колпака. — Он положил конверт на столик и добавил: — Нажмете кнопку — в нашей конторе раздастся звонок.

— Ну и что? — спросил Артур.

— Если вы нажмете кнопку, где-то в мире умрет человек, которого вы не знаете. За это вы получите пятьдесят тысяч долларов.

Норма уставилась на мистера Стюарда. Тот улыбался.

— Вы что, серьезно? — спросил Артур.

Мистер Стюард удивился:

— Но ведь я все объяснил.

— Надеюсь, это шутка? — спросил Артур.

— Отнюдь. Это вполне реальное предложение.

— Но это же бессмыслица, — сказал Артур. — Вы думаете, что мы поверим?

— Где вы работаете? — спросила Норма.

Мистер Стюард заерзал в кресле.

— Боюсь, я не имею права ответить вам на этот вопрос. Но наша организация действует и за пределами Соединенных Штатов.

— Шли бы вы отсюда, — сказал Артур и встал.

Мистер Стюард тоже поднялся:

— Конечно.

— И заберите эту штуку с собой.

— А вы не хотели бы подумать денек-другой? Артур взял ящичек и конверт, сунул их в руки мистеру Стюарду и распахнул дверь на лестницу.

— Я оставляю вам визитную карточку, — сказал мистер Стюард и положил ее на столик в холле.

Когда он ушел, Артур разорвал визитную карточку пополам и швырнул обрывки на столик.

— Ну и ну! — сказал он.

Норма продолжала сидеть на диване.

— Что скажешь? — спросила она.

— Я ничего об этом не знаю и знать не хочу.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла.

— Даже любопытство не разбирает?

— Нет. — Артур покачал головой.

Он снова сел читать книгу, а Норма пошла на кухню — заканчивать мытье посуды.

— Тебя что, это не интересует? — спросила Норма.

Артур чистил зубы. Он взглянул на отражение жены в зеркале. Она продолжала:

— Тебе даже не любопытно?

— Его предложение оскорбительно, — сказал Артур.

— Понимаю, — Норма накрутила на бигуди еще один локон.

Когда они вошли в спальню, Норма спросила:

— Как ты думаешь, может быть, это розыгрыш?

— Тогда нас разыгрывает псих.

Норма села на свою постель и сбросила тапочки: — А может, это какое-нибудь психологическое исследование?

— Может быть, — Артур пожал плечами.

— Или какой-нибудь миллионер-придурак развлекается?

— Может, и так.

— Неужели тебя это не интересует?

Артур покачал головой.

— Но почему?

— Потому что все это аморально, — сказал он.

Норма нырнула под одеяло.

— Я думаю, что это интересное предложение.

Артур выключил лампу, наклонился поцеловать жену и сказал:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Норма похлопала мужа по спине, закрыла глаза и подумала, что пятьдесят тысяч долларов — большие деньги.

Когда утром Норма выходила из квартиры, она увидела на столике разорванную визитную карточку. Она быстро положила обрывки в сумочку, заперла дверь и пошла к лифту, где ее ждал Артур.

После обеда она склеила две половинки «скотчем» — на карточке ничего не было, кроме фамилии и телефона мистера Стюарда. «И зачем я это делаю?» — подумала Норма.

Незадолго до конца рабочего дня она набрала номер.

— Добрый день, — сказал мистер Стюард.

Норма чуть было не повесила трубку, но сдержалась, откашлялась и сказала:

— Говорит миссис Льюис.

— Я вас слушаю, миссис Льюис, — сказал довольным голосом мистер Стюард.

— Мне просто любопытно.

— Это естественно.

— Правда, я вам не верю.

— Ну что вы! Все, что я вам сказал, чистая правда.

— Ладно, — Норма сглотнула слюну. — Что вы имели в виду, когда сказали, что кто-то в мире умрет?

— Именно то, что я сказал. Умереть может кто угодно. Но мы гарантируем, что вы их не знаете. И, разумеется, вы не увидите, как они умрут.

— И за это — пятьдесят тысяч долларов?

— Совершенно верно.

Норма насмешливо фыркнула:

— Вы с ума сошли!

— Тем не менее мое предложение вам известно. Так я пришлю ящичек?

Норма вздрогнула, сказала:

— Ни в коем случае. — И сердито повесила трубку.

Посылка лежала перед дверью квартиры. Норма увидела ее, как только вышла из лифта. «Ну и наглость! — подумала она и, открывая дверь, гневно посмотрела на коробку. — Я не возьму ее», — решила она, вошла и принялась готовить обед. Чуть позже Норма вышла с коктейлем в холл, открыла входную дверь, взяла посылку, принесла ее в кухню и поставила на стол.

Потягивая коктейль, она сидела в гостиной и смотрела в окно. Потом пошла на кухню, чтобы приглядеть за котлетами, и поставила посылку на нижнюю полку в шкаф. Она решила, что выбросит ее завтра.

— Может, какой-нибудь чокнутый миллионер над людьми издевается? — спросила она.

Артур оторвался от еды:

— Не понял.

— Что это за штука?

— Прекрати, — сказал он ей.

Некоторое время Норма ела молча. Вдруг она положила вилку на стол:

— А если это правда?
Артур внимательно посмотрел на жену.
— А если это правда? — повторила она.
— Ну и что? — Он был потрясен. — Ты хочешь еще раз заполучить этот ящик, нажать кнопку и убить кого-то?

На лице Нормы было написано отвращение.
— Как это «убить»?
— А как это еще называется?
— Но ты ведь даже не знаешь этого человека?
Артур возмутился:
— Ты что, серьезно?
— Подумаешь, ну умрет где-то за десять тысяч миль старый китайский крестьянин. Или какой-нибудь больной туземец в Конго.

— А если умрет новорожденный в Пенсильвании? — возразил Артур. — Или симпатичная маленькая девочка из соседнего квартала?

— Не надо преувеличивать.
— Какая разница, Норма, кого ты убьешь? Это все равно убийство!

— Если ты никогда не видел и не увидишь этого человека и никогда не узнаешь о его смерти, то почему не нажать кнопку?

Артур в ужасе посмотрел на нее:
— Неужели ты сможешь нажать кнопку?
— И получить пятьдесят тысяч долларов?!
— Какая разница сколько...
— Артур, пятьдесят тысяч долларов! Мы сможем съездить в Европу, мы всегда мечтали о такой поездке.

— Норма, нет!
— Мы сможем купить домик на острове. Лицо мужа побелело.
— Никогда, Норма, клянусь богом, никогда!!! Она вздрогнула:
— Ладно, успокойся. Это же несерьезный разговор.

Перед тем как выйти из-за стола, Артур сказал:
— Если ты не против, то больше об этом мы говорить не будем.

— Как хочешь, мне все равно, — пожала плечами Норма.

На следующий день она встала пораньше, чтобы приготовить Артуру завтрак: оладьи и яичницу с беконом.

— В честь чего это ты? — с улыбкой спросил муж.

Норма сделала оскорбленное лицо:
— Просто так, захотелось, и все.
— Я очень рад.
Она налила ему еще одну чашку кофе:
— Просто не хочу, чтобы ты думал, что я эгоистка.

— А я разве говорил, что ты эгоистка?
— Ну, — она сделала неопределенный жест, — вчера вечером...

Артур ничего не сказал.
— Когда мы говорили о кнопке, по-моему, ты меня неправильно понял.

— Что ты имеешь в виду?
— Ты, наверно, посчитал, что я думаю только о себе. А это не так.

— Норма!
— Я просто хочу сказать...
— Что?!!

— Я хочу, чтобы мы поехали в Европу, чтобы у нас был домик на острове, чтобы мебель, квартира, одежда у нас были лучше, чем сейчас, чтобы у нас была машина. Чтобы, наконец, если уж зашел разговор, у нас родился ребенок.

— Норма, у нас все будет.
— Когда?!
Он растерянно посмотрел на жену:
— Норма...
— Когда?!
— Ты что, хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что это какое-то исследование, — оборвала его Норма. — Они хотят знать, что сделают в подобных обстоятельствах обычные люди! Они говорят про убийство, чтобы понаблюдать нашу реакцию — вина, страх, да что угодно! Неужели ты думаешь, они кого-то убьют?!

Артур ничего не ответил. Она увидела, что у него дрожат руки. Через несколько минут он встал и ушел.

«Я опоздаю на работу, — подумала она. — Какая разница? Я должна сидеть дома, а не работать».

Расставив посуду, Норма резко повернулась, вытерла руки, достала из шкафа посылку, открыла ее и поставила ящичек на стол. Она долго смотрела на него, потом повернула в скважине ключ, сняла стеклянный колпак и взглянула на кнопку. «Невероятно и глупо, — подумала она. — Весь скандал из-за какой-то дурацкой кнопки».

Она протянула руку и нажала на кнопку. «Я делаю это ради нас, — сердито подумала она. — Неужели...» Она похолодела от ужаса.

Но тут же она успокоилась и презрительно фыркнула. «Вот еще, — сказала она про себя. — Буду я беспокоиться из-за чепухи».

Она перевернула на сковородке бифштексы, которые жарила на ужин, и принялась готовить себе еще один коктейль, когда зазвенел телефон. Она взяла трубку:

— Алло?
— Это миссис Льюис?
— Да.
— С вами говорят из больницы «Ленокс Хилл».

Ей показалось, что разговор происходил во сне: давка в метро, толпа столкнула Артура на рельсы — несчастный случай. Она чувствовала, что качает головой, но не могла остановиться.

Когда она повесила трубку, то вспомнила, что Артур был застрахован на 25 тысяч долларов, и сумма удваивалась в случае...

Она достала из мусора ящичек и начала бить его о край раковины, пока он не раскололся; внутри ничего не было: ни транзисторов, ни проводов, ни ламп.

Зазвонил телефон. Спотыкаясь, она вбежала в гостиную и взяла трубку.

— Это миссис Льюис? — спросил мистер Стюард.

Она закричала, но это был не ее голос, ее голос не такой:

— Вы же сказали, что я не буду знать того, кто умрет!

— Дорогая моя, — сказал мистер Стюард, — неужели вы думаете, что знали своего мужа?

Перевел с английского
Л. ВОЛОДАРСКИЙ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ГОРЯ

Эта фотография обошла все журналы мира — фотография матерей из американского города Атланты, матерей, чьи дети были убиты. Но фотография устарела: после того как сделал ее репортер журнала «Лайф», матерей, которые могут стать в этот ряд, больше.

В июле 1979 года начали исчезать дети из семей, считающихся «неблагополучными» (то есть живущих в основном на пособия по безработице). Кто убийца? Полиции

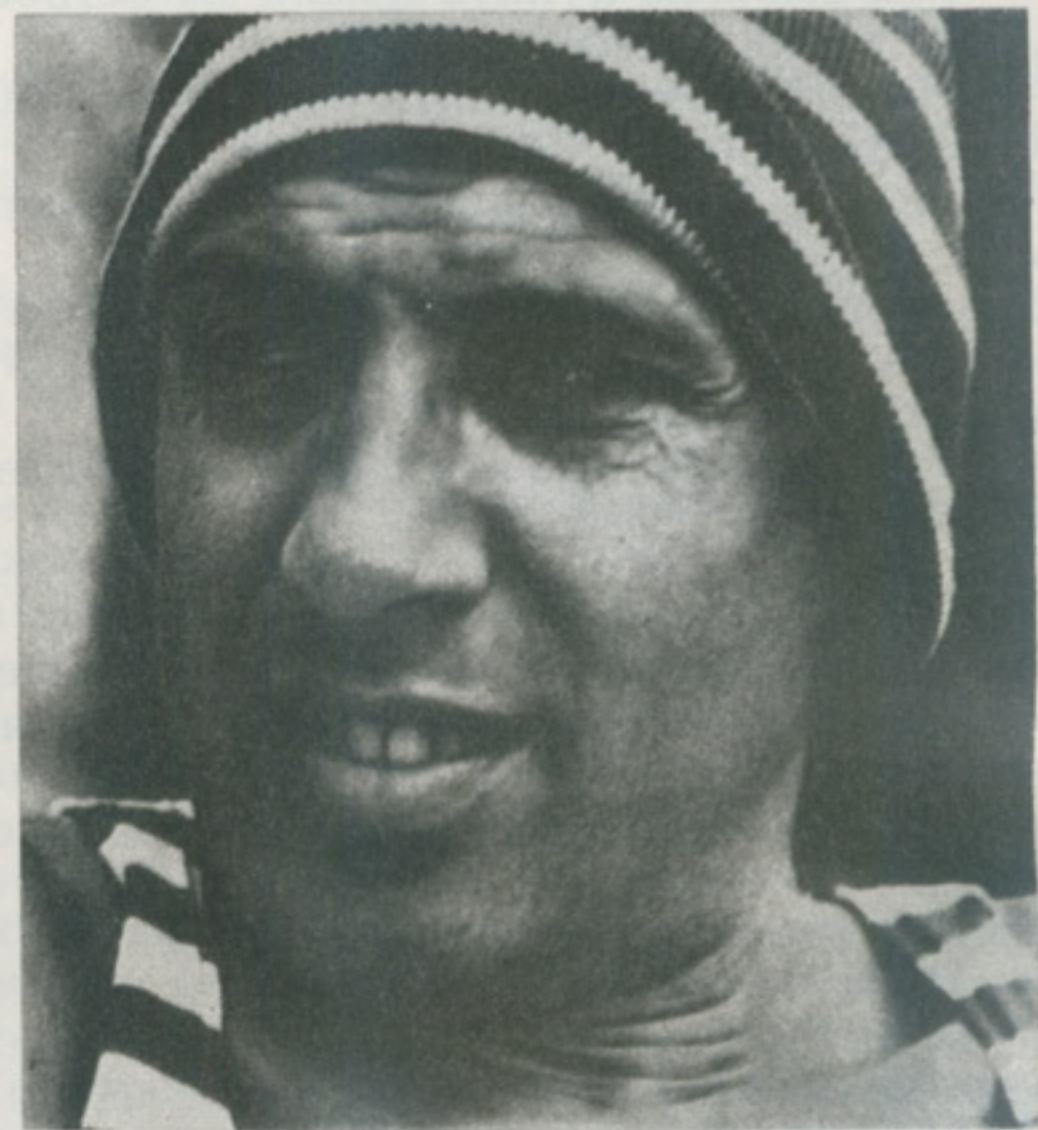
это пока неизвестно, зато известно другое: исчезали дети, которые шныряли без присмотра по улицам в поисках хоть какого-то заработка — подносили пакеты с покупками, протирали стекла автомашин... Журнал «Тайм» предполагает, что маньяк-убийца заманивал детей обещанием работы. Сейчас полиции Атланты даны дополнительные подразделения. Правда, число детей, которые могут соблазниться предложением работы, тоже увеличилось...

ВЕТЕР В СПИНУ, СОЛНЦЕ В ЛИЦО

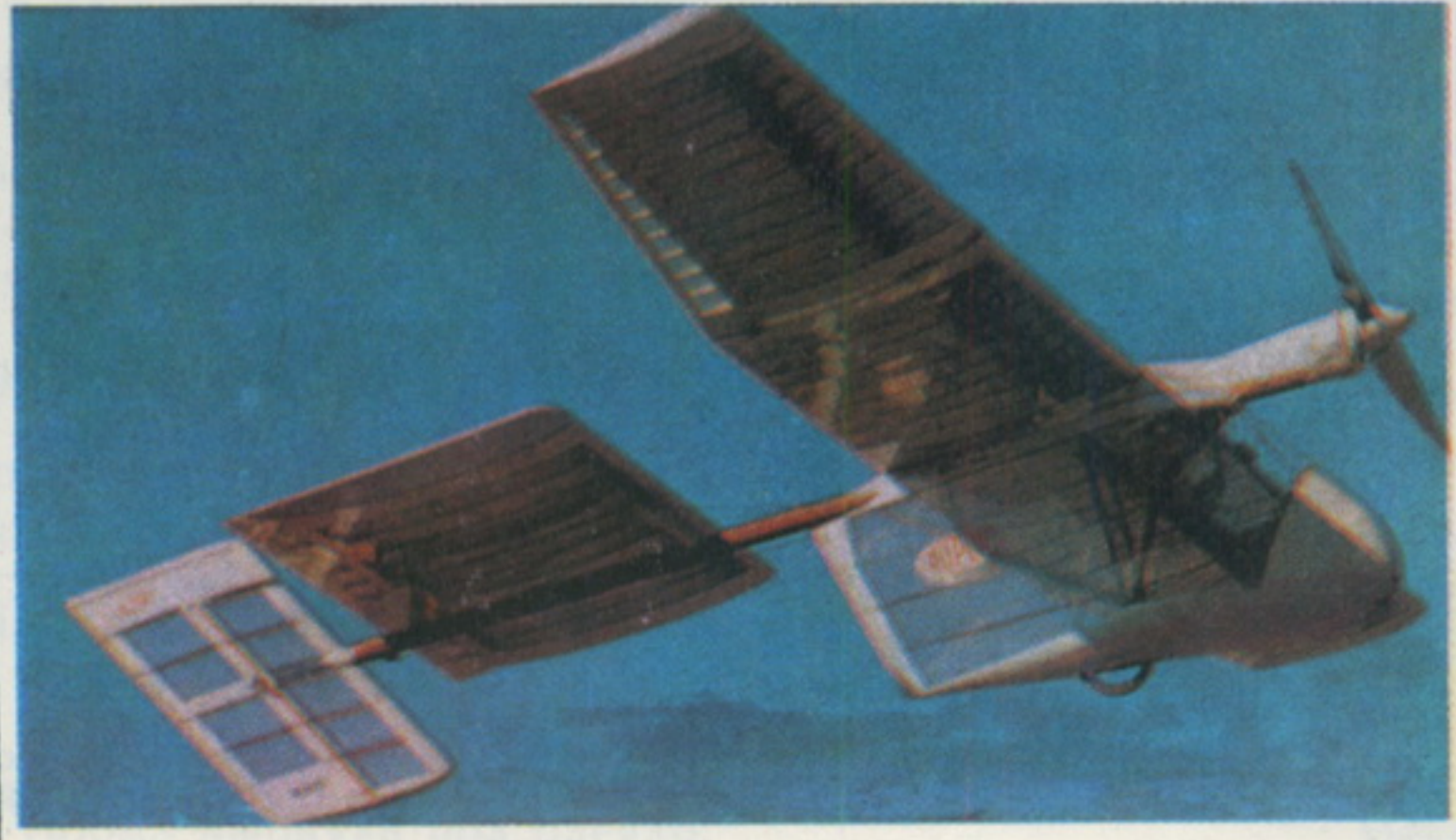
Говорят, открытия часто делаются чудачками. И действительно, ну не чудак ли прикрепил пропеллер к спине

лыжника? Смешной проект, не более. Но некоторые из «чудаков», например предположение, что можно подняться в воздух при помощи солнца, получили право на жизнь. Так случилось с аэропланом француза Поля Макриди. Он укрепил на плоскостях мини-самолета 72 квадратных метра солнечных батарей и вознесся в небо на 1200 метров. «Главное — это все время находиться перпендикулярно лучам солнца», — говорит пилот и собирается этим летом лететь на своем детище из Парижа в Лондон. Запланированная высота — 1500 метров.

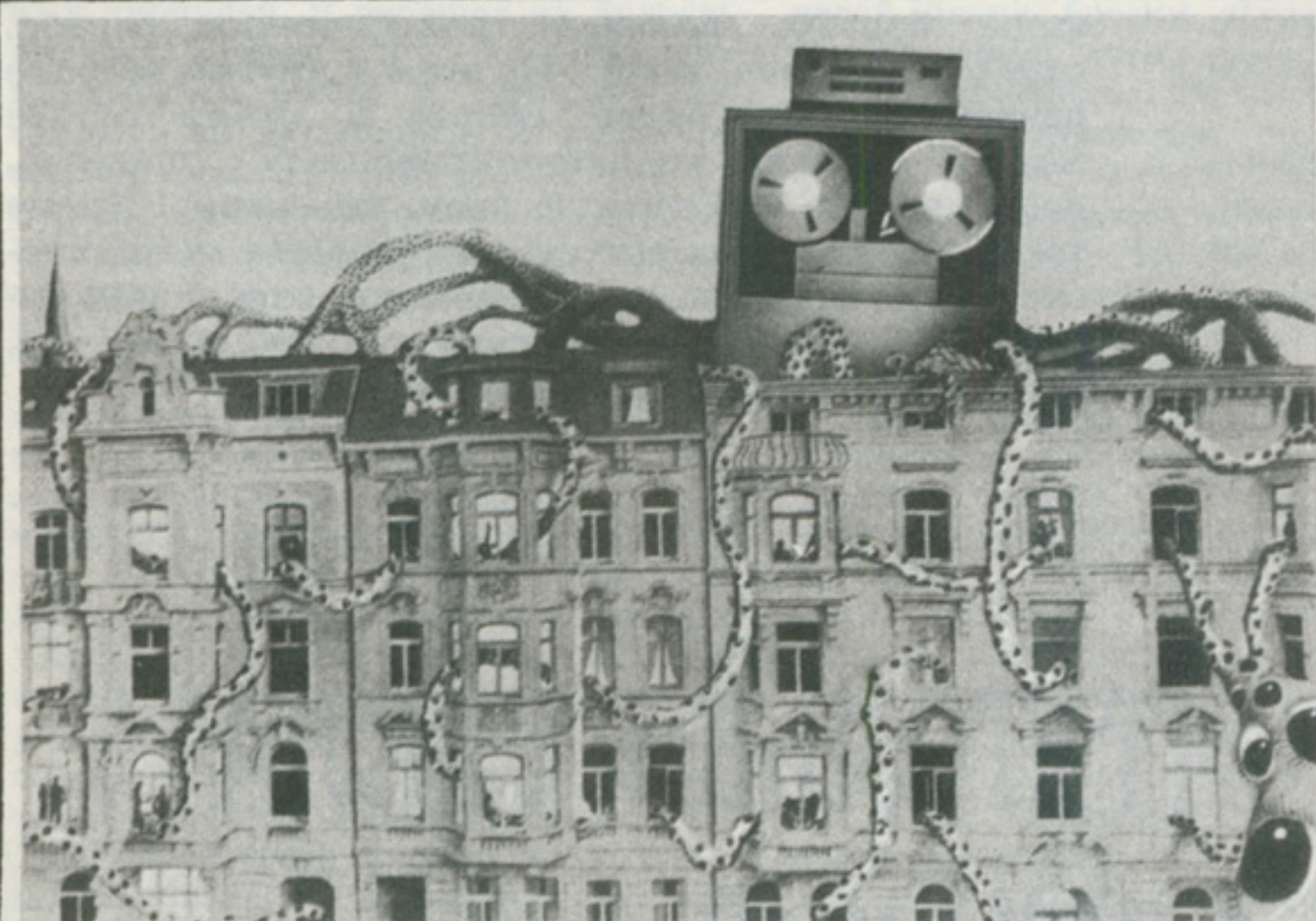
НАРОДНЫЙ АРТИСТ ИТАЛИИ

«Скажите, Адриано, почему вас так любят в народе?» — вопрос, заданный корреспондентом миланского журнала «Эуродео», следовал за сообщением о том, что последний фильм с участием Адриано Челентано «Укрощенный чудак» имел небывалый успех. «Думаю, итальянцы-то любят не меня, а моих героев. Если бы я был в правительстве, то первое, что я дал бы народу, — жизнерадостность и уверенность в завтрашнем дне, которой у людей частенько не хватает». 25 лет в кино и на эстраде — это много для человека, который все эти годы остается молодым, немного простоватым, наивно-напористым и необычайно музыкальным. А главное — своим для зрителей.

ДУЭТ

Кончилась охота за билетами. Исчезли очереди у театральных касс: спектакль начался. В «Ла Скала» давали оперу «Сельская честь» Масканьи. Известный режиссер Франко Дзефирелли снимал по ней телевизионный фильм (он выйдет в августе этого года). Партию Сантуццы пела известная советская певица Елена Образцова. Вообще-то в «Ла Скала» не любят, когда их, итальянскую, музыку поют иностранцы. Лишь для немногих, «поистине великих» (говоря словами Дзефирелли), делают исключение. И в числе их Елена Образцова. Это не первое ее выступление на миланской сцене. Любители оперного искусства помнят Образцову в «Дон Карлосе» Верди, демонстрировавшемся по советскому телевидению. А сам Дзефирелли признается: «Мне доставляет истинное удовольствие снимать Пласидо Доминго и Елену Образцову. Это великолепный дуэт. Жаль только, что большинство итальянцев увидят их лишь на экране».

А ЧТО РИСУЮТ?

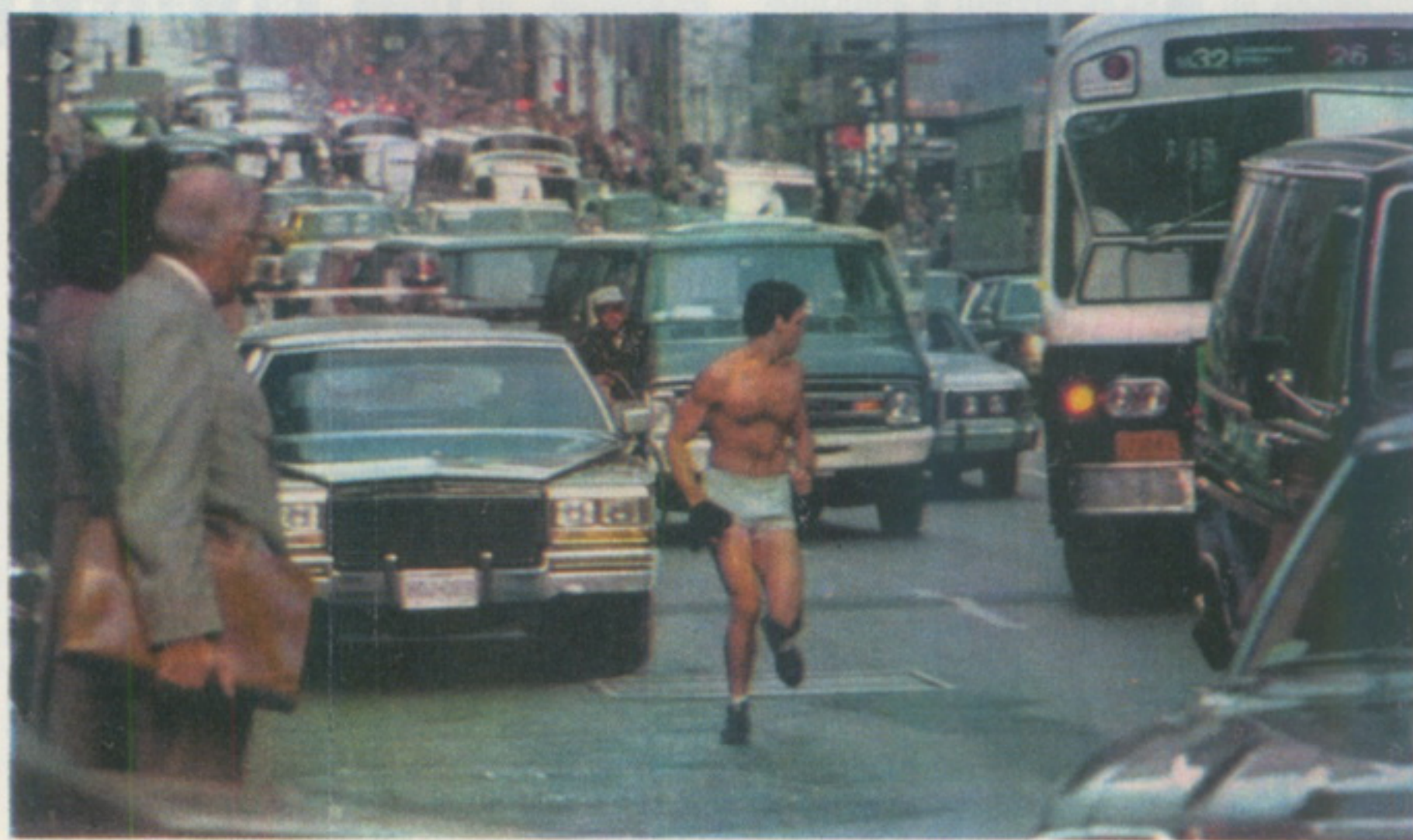
Этим рисунком журнал «Штерн» проиллюстрировал историю о том, как «повезло» однажды супругам Кунце из Дюссельдорфа. Они, доверившись объявлению в местной газете, решили снять квартиру. Заполнили бумажки, где указали все о себе, отдали в домоуправление. Супругам сказали: «Ждите». А потом раздался телефонный звонок, и фрау Кунце услышала: «Ваш муж не подходит нам как квартиросъемщик. ШУФА сообщила нам, что он недостаточно кредитоспособен». Как так? А вот так: ШУФА — Общество изучения кредитоспособности граждан. Так сказать, общество изучения положения граждан в обществе. Петер Кунце пошел в ШУФА. И выяснилось, что ЭВМ ошиблась. «Извините, у вас очень распространенная фамилия». Но вообще ошибается ШУФА редко. Ведь сотрудники этой организации могут затребовать для своего шуфовского пользования любые сведения из какого угодно ведомства, а уж из полиции — в первую очередь. Ведь в ее архивах зарегистрирована почти каждая семья ФРГ. И ШУФА почти без ошибок делает свои электронные выводы.

ОСТАНОВИТЬСЯ Б, ОГЛЯНУТЬСЯ...

Вот уж несколько лет, как мир бежит — бежит трусцой и вприпрыжку, бежит по аллеям парков и по обочинам дорог, поодиночке и целую толпой, бежит от стрессов и от инфаркта, убегает от наступающих на пятки проблем, да так, что ветер свистит в ушах.

К здоровью бежит, короче.

И действительно: что может быть здоровее, когда в твои насквозь прокуренные легкие врывается свежий воздух, когда обленившееся сердце начинает упругими толчками разгонять застоявшуюся кровь, когда слетают лишние килограммы, когда... Когда позади разгневанно сигналист грузовик, возмущенно чихает несущийся мимо мотоцикл? Что может быть «здоровее» выхлопного газа на улицах Нью-Йорка, где и сделан этот снимок?

Б. ФАДЕЕВ,
заместитель директора по научной работе
Всесоюзного научно-исследовательского
института физической культуры,
кандидат исторических наук

О каратэ заговорили не так давно. Оценивали по-разному: критиковали, хвалили, преувеличивали достоинства и недостатки. У большинства же создалось впечатление, что каратэ всего-навсего своеобразная техника поединка, не требующая ни особых физических сил, ни выносливости. Главное — отработать удар и набить суставы. Видимая легкость овладения каратэ оказалась соблазнительной для многих ребят, что, очевидно, повлияло на массовое увлечение этим новым для нас видом спорта. Но очень скоро новичку становится ясно, что каратэ — спорт исключительно тяжелый, требующий максимальных усилий, внимания и отдачи, специального оборудования и квалифицированных преподавателей.

Вот почему в интересах развития этого вида спорта нельзя допустить, чтобы каратэ оказалось во власти дилетантизма и любительства, которое к тому же может сказаться самым неблагоприятным образом на здоровье молодых спортсменов. Программа изучения каратэ — сложный курс всесторонней подготовки: даже получение черного пояса не означает конечного этапа, это только начало серьезного обучения каратэиста.

Новичок торопится овладеть техникой «драки», но каратэ отнюдь не ставит себе подобных задач. Не случайно автор подчеркивает, что отработка техники ударов является низшей и далеко не самой важной стадией обучения.

Дон Итон Миллер не новичок в спорте. Он

посвятил ему двадцать лет, и его спортивные интересы отличаются большим разнообразием: дзюдо, штанга, бокс, фехтование... Так что свою последнюю привязанность — каратэ — ему есть с чем сравнивать.

Разделяя его мнение о том, что каратэ таит в себе большие возможности для раскрытия ресурсов физических и духовных сил человека, мы не можем согласиться с некоторой претенциозностью автора в оценке психологических процессов, с его мистицизмом, заимствованным из ряда восточных религиозных учений. Мы не склонны объяснять достижения человеческого разума и воли какими бы то ни было сверхъестественными причинами, недоступными нашему пониманию.

С другой стороны, практический опыт Миллера лишней раз подтверждает, насколько сложно овладение каратэ, насколько долог и тернист путь к его вершинам, требующий тяжелой работы. А сроки этой работы — вся жизнь.

В заключение мне хотелось бы добавить, что в советской системе физического воспитания имеется немало видов спорта, которые помогают человеку гармонически развиваться, в том числе вооружают его многими приемами и навыками самообороны. Это в первую очередь национальные виды борьбы, вольная, классическая борьба, самбо и, наконец, дзюдо. По этим и другим широко развивающимся видам спорта в любом городе можно найти квалифицированных тренеров, необходимую спортивную базу, инвентарь. Кроме того, для занимающихся выпускается методическая литература, изданы учебники, есть специализированные детско-юношеские спортивные школы, проводятся спортивные соревнования.

СТОИТ ТОЛЬКО СДЕЛАТЬ ГЛУБОКИЙ ВДОХ...

Дон Итон МИЛЛЕР,
американский журналист

По договору об обмене между студентами Ленинграда и Дортмунда я был зачислен в Ленинградский университет. Однажды студенты-иностранцы подготовили вечер художественной самодеятельности. Зал был переполнен: студенты, преподаватели и приглашенные. Я выступил с демонстрацией приемов каратэ. К тому времени я уже несколько лет изучал его и кое-чего достиг. Тогда у меня еще не было черного пояса, я получил его несколько лет спустя. Я показал классическое ката (хорео-

графические фигуры) и немного рассказал об этом искусстве.

Гвоздем программы было разбивание кирпичей. Этому трюку я научился давно и с тех пор переколотил кирпичей немало. Советские друзья с радостью обеспечили меня всем необходимым, но оказалось, что в Советском Союзе обжигают совсем не такие кирпичи, как в США. Эти были в два раза больше и, естественно, тяжелее, чем те, к которым я привык. Но я не пал духом и со всей тщательностью установил гиганта на двух других. Я опустил на колени, глу-

боко вздохнул и с резким выкриком опустил правый кулак. Ничего не произошло. Тупая боль прошла по суставам, по руке, отдаваясь в плече. Что ж, это бывает, когда удар недостаточно точен.

Я снова установил кирпич и нанес мощный удар, вкладывая в него всю силу, на какую был только способен. Кулак буквально врезался и застыл. Я отмолотил 10—15 яростных ударов, так что из руки брызнула кровь. Я принялся колотить неповрежденной левой, выжимая последние капли энергии. Кирпич был непоколебим. Взвинченный, разозленный, я продолжал упрямо наносить мощные удары. Но русский кирпич был неприступен. Обе руки были в крови, и за занавесом умоляли перейти к другой части программы, но прошло много времени, прежде чем я наконец сдался, что-то пробормотал в свое оправдание, сошел со сцены, снял кимоно, переделся и вышел на улицы вечернего Ленинграда.

Напротив университета велось строительство, и в отвесах далекого фонаря я увидел целую гору злосчастных кирпичей. Я перешел на другую сторону, поднял один, покрутил его в разбитых руках и швырнул на землю — он раскололся! Я встал на колени, схватил следующий и не то бросил, не то ударил его о другой. И этот раскололся! Тогда, набрав полную охапку кирпичей, я вновь устремился в клуб.

Игнорируя протесты выступавших, я установил кирпичи перед зрителями. «Смотрите», — сказал я по-английски, глубоко вздохнул, поднял кулак и с уверенным криком опустил его. Но... кирпич даже не треснул! Я ударил снова. Потом еще два-три удара — и до меня дошло, что так ничего не выйдет. Разъяренный и униженный, я присел, закрыл глаза, наверное, чтобы не смотреть на зрителей, вздохнул и расслабился.

Белые облачка проплыли по розовому горизонту, я ощутил ветерок собственного дыхания и забыл о кирпичах, о боли и о зрителях. Я открыл глаза и, нежно поддерживая кирпич левой рукой, без всякого усилия, не спеша опустил на него правую руку. И она прошла сквозь кирпич, словно его не коснувшись. Было такое чувство, что кирпич «расчленился». Я поднял две половинки и показал их зрителям, но они уже сорвались с мест и бешено аплодировали. Русские люди знают, что такое страдание и преодоление. Пусть они не подозревали о причинах случившегося, они приветствовали победу духа над бездушной материей.

Восточное искусство борьбы я начал изучать 20 лет назад, будучи толстеньким, шустрым очкариком с окраин западного Манхэттена. За три года изучения дзюдо я проявил себя как самый способный и настойчивый из всей младшей группы школы.

В 1963 году я открыл для себя каратэ и взялся за него с тем же рвением, что за дзюдо. За восемь лет обучения я сменил трех учителей и в 1970 году получил черный пояс. К тому же периоду относятся мои занятия боксом и фехтованием.

В детстве мне здорово доставалось от шпаны. Я был беспомощен и ненавидел себя за те окольные пути, которыми мне приходилось добираться до школы, избегая рискованных встреч, и все же тогда, в 1960 году, когда я впервые появился в школе дзюдо Додзо, мною руководило нечто большее, чем обычный инстинкт самосохранения. Я помню, что был восхищен самой эстетикой школы: огромная площадка на открытом воздухе, маты, обувь, выстроенная за дверью, аккуратно развешанные дощечки с именами учеников на белоснежных стенах.

В большинстве случаев «демонстрационные» виды искусства, дзюдо и каратэ акцентируют внимание на развитии таких качеств, как резкость, баланс, точность, координация и сила; важно отработать удары рукой и ногой, блоки, броски, захваты и т. д. К сожалению, очень немногие достигают совершенства. На высших ступенях этого искусства техника боя отступает на задний план, целью обучения становится психологическая трансформация. Черного пояса добивается менее одного процента каратэистов, но он всего лишь начало серьезного обучения.

Самым важным моментом в психологическом развитии, по-видимому, следует считать проблему страха. В начале пути благодаря физическим нагрузкам, суровому режиму, набиванию суставов и кончиков пальцев, ударам в прыжке, блокам, крикам в унисон, практическим боям в учениках появляется некая бравада. Однако подобные методы искусственны и не способствуют изменениям психического порядка.

Я вправе судить: от страха, беспокойства и нервных реакций в опасных ситуациях боя меня не излечили ни тысячи удачных ударов, ни тысячи отлично выполненных прыжков, ни выигранные тренировочные бои в зале Додзо. Я так и не научился контролировать страх и как дилетант понятия не имел о бесстрашии. Только год спустя после получения черного пояса я смог перешагнуть этот барьер. Тогда я был преподавателем корейского каратэ в одном из колледжей Нью-Гэмпшира.

Однажды в клуб японского каратэ, организованного в том же колледже, приехал инструктор-японец, каратэист пятого или шестого разряда¹. Как-то раз в конце занятий он зашел

¹ Японское каратэ имеет сложную систему разрядов. В статье, по-видимому, имеется в виду 5—6 дан. Первый дан соответствует черному поясу. — Примеч. пер.

в класс и, когда все разошлись, предложил мне спарринг. Я воспринял это не как вызов, а как возможность проверить себя в поединке с превосходящим противником. Мы сошлись в центре зала, я не надеялся на победу и настраивался на сильное сопротивление. В то же время я понимал, что буду отстаивать не только себя, но всю школу, которой он сделал вызов, придя в мой класс.

Мы не обсуждали правил поединка — я был уверен, что они те же, что в обычном бесконтактном любительском бою: опасные удары в голову, шею, глаза фиксируются на расстоянии 2—5 сантиметров, контактные удары разрешаются только по корпусу и в солнечное сплетение. В течение первых нескольких минут бой и шел по этим правилам.

То и дело меня обдавал ветерок от щелчков его обманных ударов, застывавших в сантиметрах от цели, винтовые удары ногой вкручивались в мою оборону и били по прессу. Без сомнения, он был сильнее, выпады его стремительных атак мощнее и

динамичнее, блоки от моих боковых ударов и контрудары точнее и своевременнее. Но постепенно я приспособился к его стилю и вел себя уже не так безобидно, как в начале боя. Успевал проводить продолжительные серии ударов, уходил от его ударов, блокировал, но был беспомощен, когда он обозначал удары по глазам.

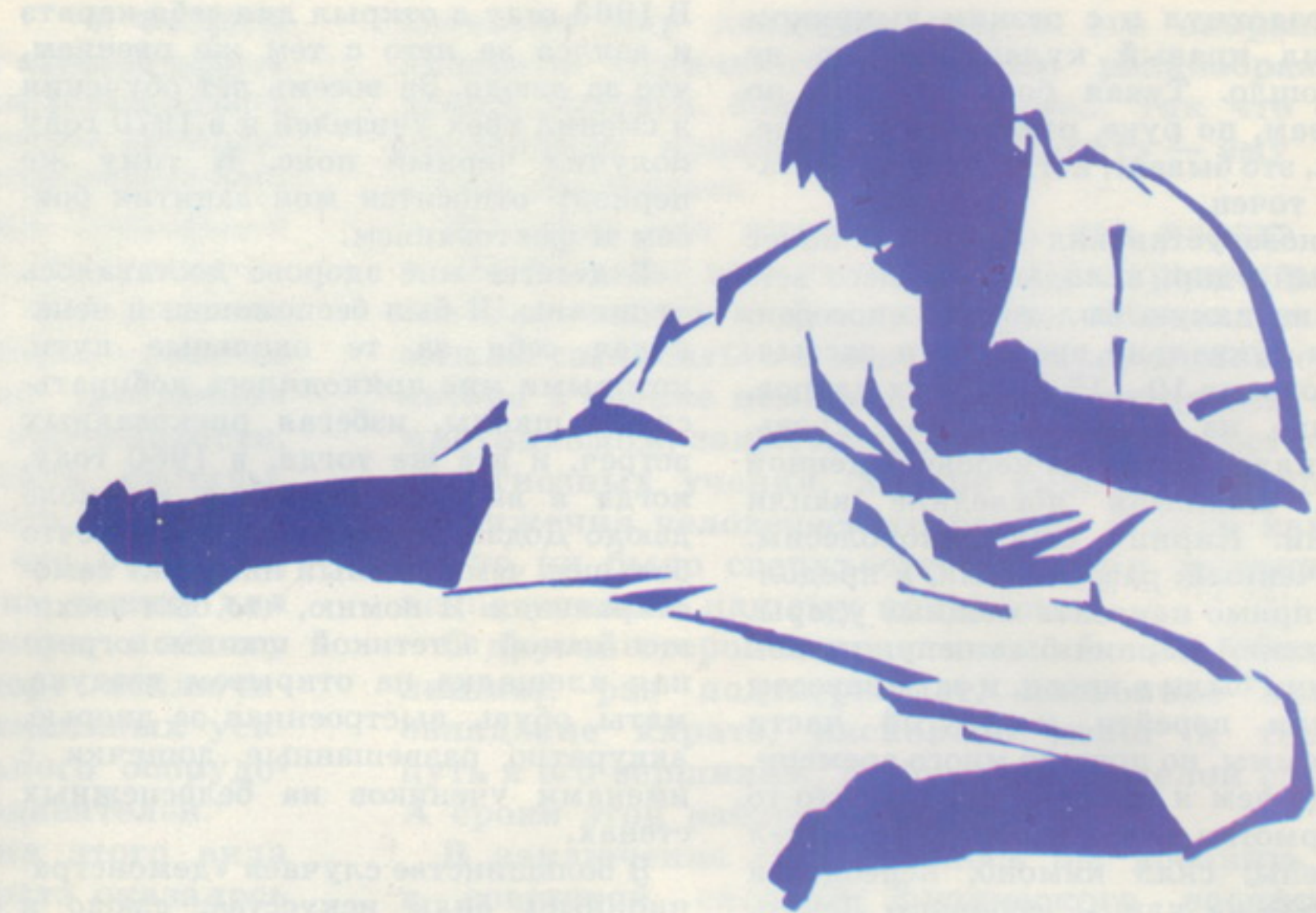
Японец точно определил эпицентр моего страха. Я близорук и проводил поединок в очках, но не столько боялся за очки, как часто случается в подобных ситуациях (для близоруких предметы — это расплывчатые пятна, пока они далеко, поэтому ответные удары часто торопливы и неточны). Мне мешало чувство иного свойства — неполноценность очкарика, от которой не избавили десять лет тренировок. Удары и ложные выпады в глаза тотчас вызывали испуг, нервную реакцию, воспользовавшись которыми противник наносил точный удар в другое место.

И все же он начал испытывать затруднения. В один из моментов боя после удачной блокировки я высоко подпрыгнул, выставив колено против контрудара, и зафиксировал ребро ладони над открывшейся шеей. Японец не успел блокироваться. Теперь побеждал я. Ему это, видно, очень не понравилось. Он резко развернулся и, не фиксируя движения, нанес удар локтем мне в затылок. Голова зазвенела — и я полетел на пол.

Вскочив на ноги, я уже не был так уверен в условиях поединка. Атаки стали ожесточеннее, резче и ближе. Я понимал, что мне угрожает реальная опасность, но не знал, как расценивает ситуацию этот человек, способный убить. Страх и злость, простительные новичку, подхлестнули меня, я вошел в раж. Я изловчился и опять обошел японца. Мой резкий контрудар рукой, думаю, получился. На этот раз противник выжидал несколько секунд, потом стремительный волчок на 360 градусов — и удар пяткой с разворота, почти неуловимое движение ноги. Удар пришелся в лоб, над правым глазом. Он оглушил меня, разбил очки и вогнал край оправы в бровь: брызнула кровь. И от этого удара в самый эпицентр моего страха он, страх, лопнул как мыльный пузырь. Я будто заново родился, почувствовал себя неуязвимым.

Белым рукавом кимоно я вытер кровь, вышел на середину зала и предложил продолжить. Я был спокоен и полон энергии. Позже я назову это состояние центрированностью. Я знал, что теперь, когда исчез страх, все будет по-другому. Но японец отказался, посочувствовал, собрал одежду и вышел. Я пригласил его зайти в другой раз, но он так и не появился.

В 1970 году со своей группой я посетил Камбрес, городок-новостройку на юге Нью-Гэмпшира. Там я

познакомился с Т. Т. Лиангом, преподавателем тай чи¹. На первый взгляд он казался старым и сгорбленным, но густой бас и сверкающие глаза явно не соответствовали его возрасту.

Продемонстрировав несколько медленных, плавных, величественных движений одного сложного приема, Лианг вкратце рассказал о своем искусстве и перечислил его древние принципы: «Не думай о чи (энергия жизни). Расслабься. Все движения подчини мозгу. Не внешней мускульной силе. Размышление в действии. Действие в размышлении». Лианг вызвал меня в центр зала, поднял руку перед грудью и предложил сделать выпад. Когда я коснулся его запястья, он засмеялся, и я засмеялся вместе с ним, не совсем понимая, чему мы смеемся. Ситуация была глупой и в то же время возвышенной: мы стояли друг против друга, молодой каратэист и старый мастер тай чи.

«Бей», — сказал он. Я ждал сопротивления, но он легко ускользнул от удара, не разъединяя контакта. Создавалась иллюзия, что я бью во что-то жесткое, но на самом деле бил в пустоту. В нее-то я и полетел и по инерции чуть не упал. Мы опять засмеялись. Что бы ни демонстрировал Лианг, я не боялся показаться смешным и неуклюжим. Так началась наша большая дружба. Все последнее десятилетие я учился у него, осваивая десятки новых приемов: некоторые из них включали до сотни различных движений, в других использовались мечи и китайские сабли, на третьи уходило больше 20 минут, но все выполнялись осознанно и расслабленно.

¹ Полностью — тай чи чуан, один из трех стилей древнекитайского военного искусства шао линь су. — Примеч. пер.

То было чудесное время. Учитель потчевал нас легендами о мастерах тай чи из семейства Янгов, рассказывал о своей молодости. В 45 лет его признали безнадежно больным. У него был гепатит, воспаление легких и многое другое. Лианг оставил беспорядочную жизнь, стал изучать тай чи и восстановил здоровье. Сейчас ему 80 лет. Он все такой же энергичный, резкий, грациозный и веселый, как прежде. Однажды мы расстались, но через год или два встретились вновь и вместе работали с группой учеников в его студии в Бостоне.

Зимними вечерами, войдя в студию, мы часто заставляли Лианга в одном шерстяном белье рядом со скороваркой: он варил овощи. Он казался старым и уставшим. Но постепенно в течение урока, разбуженный интересом и энтузиазмом молодежи, он веселел, заряжался нашей энергией. То, что поначалу планировалось как часовая тренировка, затягивалось еще на пару часов. Никто не торопился и не смотрел на часы. В один из таких вечеров, когда все порядком устало, прослушали еще несколько свежих историй, кто-то робко попросил Лианга показать приемы с двумя мечами. Он начал без интереса, продолжая говорить, но постепенно увлекся, поглощенный вращением стальных клинков с длинными яркими кисточками на рукоятках. Наконец мечи потеряли форму, превратились в огромное пятно с неясными очертаниями, сплелись в сложные узоры. Он стоял в сверкании металла, и внутри этого блеска — спокойное лицо. Глаза полузакрыты, движения размеренны и мягки. В эти яркие и бесконечные 10—15 секунд я видел совершенство. Когда упражнение закончилось, класс восторженно зааплодировал, а он снова превратился в нашего добродушного старика учителя. То, что мы увидели, было выше аплодисментов.

В 1975-м, потом снова в 1976-м и в 1977-м мне довелось учиться у известного мастера айкидо¹ Коичи Тохеи. В свои шестьдесят Тохеи обладает силой штангиста и легкостью балетного танцора. Он само воплощение традиций восточного будо (боевых приемов), однако абсолютно чужд жестокости, сострадателен и человечен. Формально его система обучения значительно отличается от общепринятого айкидо. Он разработал свой метод, раскрывающий возможности каждого ученика.

Тохеи проделывает удивительные вещи: при росте метр пятьдесят два и весе 67 килограммов он может настолько «отяжелеть», что четверо мужчин не оторвут его от земли. Он способен противостоять толчку трех силачей, выстроенных в цепочку, останавливая их одним мизинцем. Его вдох и выдох слышны на весь зал, в то же время он способен растянуть этот процесс на три минуты. Выполняя традиционные приемы айкидо, он не затрачивает ни малейшего усилия.

На одном из занятий он попросил меня сжать ему запястья и не позволять свести руки. За несколько десятилетий, которые я занимался гимнастикой, штангой, каратэ, а также колот дрова, я прилично накачал силу. Тохеи поднатужился, но не смог сдвинуть руки. Он улыбнулся. «Очень сильный, — сказал он нараспев низким голосом. — Еще раз, пожалуйста».

На этот раз он не напрягался, раскрыл руки, как для объятия, разогнул пальцы и расслабился. Вдруг что-то произошло: я почувствовал, что сдерживаю, вернее, стараюсь сдержать два мощных потока — не мышцы, что я сжимал лишь мгновение назад. Он мягко и уверенно согнул пальцы и с необыкновенной легкостью соединил руки. На лице — улыбка. «Это, — сказал он, — координация мысли и тела». Тохеи утверждает, что в его способностях нет ничего особенного, ими может овладеть каждый, кто учится соединять духовное и физическое.

Позже я научусь проделывать те же трюки, что и Тохеи, которые, впрочем, вовсе не трюки, а проявление высшей человеческой силы, высвобождающейся в момент расслабления. Направленность внимания, абсолютный покой сознания, уверенность и доброжелательность — вот что характерно для этого состояния центрированности.

При некоторой настойчивости всегда можно научиться «волшебству». В тот ленинградский вечер я нашел надежный способ входить в состояние расслабленного действия. Теперь, когда я собираюсь перебить очередную грудку кирпичей, я не настраиваюсь на «старание», не собираюсь с

силами. Я расслабляюсь, и центр готовности перемещается ниже — в торс и в ноги. Я чувствую землю, дышу глубоко, мысленно направляю дыхание по торсу, ногам и рукам; представляю линию вектора силы, который проходит по ногам, потом вниз по рукам, по ладони, через бруски кирпичей. Я не фокусирую внимания на объекте.

Когда в нормальном состоянии я поднимаю предмет и разглядываю его, он кажется чрезвычайно тяжелым и твердым. Через две-три минуты предметы меняют свою реальность, сама реальность меняется: мне уже не тридцать два, и я не американский литератор, который стоит в кроссовках и проделывает странные дыхательные упражнения во дворе своего дома у кучи красных кирпичей. По некоторым признакам я понимаю, что вхожу в «зону»: дыхание становится глубоким и резким, зрение меняется, и галька на дорожке разрастается до огромных размеров, я вижу не маленькие камушки, а целые глыбы. Собственное тело кажется жестким, но в то же время легким и свободным.

Наконец я подхожу к кирпичам, и, если я вообще обращаю на них внимание, они мне кажутся легкими,

воздушными и податливыми. Делаю глубокий вдох, задерживаю его на полсекунды, потом выдыхаю резко и ровно и, фокусируя внимание на векторе силы, позволяю руке следовать по нему. Моя ладонь свободно проходит сквозь то, что раньше было кирпичом. Я не чувствую ни прикосновения, ни отдачи, ни боли.

Кто бы ни присутствовал при этом, он всегда аплодирует и поздравляет. Но поздравлять не с чем, это даже глупо. Здесь все так просто. Только бы мысли и тело были едины. Это состояние трудно объяснить, слова бессильны. Оно проходит, остаются воспоминания, эмоции. Иными словами, подлинная ценность боевого искусства Востока не имеет ничего общего с подвигами физического порядка. Обучение технике боя тоже не главное. Главное то, что это искусство избавляет от страха и помогает постичь, что мы способны на большее, что запасы энергии и мужества, возможности реакции и внимания намного превышают наши представления о них. Пределы человека могут быть значительно раздвинуты. Стоит только сделать глубокий вдох...

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

¹ Один из видов японской борьбы с применением болевых приемов. — Примеч. пер.

40528

Пять лет назад — 16 июня 1976 года — в Соуэто, африканском пригороде Йоганнесбурга, полицейские и солдаты, стоящие на охране расистского режима ЮАР, расстреляли мирную демонстрацию школьников, выступивших против законов апартеида. Погибли десятки ребят в возрасте от 7 до 14 лет. В июне же — 26-го — все патриоты этой страны, все прогрессивные люди на земле отмечают День Свободы Южной Африки. В рядах патриотических сил стоят и лучшие поэты ЮАР.

Барри ФЕЙНБЕРГ

ВСЕ БУДЕТ НАШИМ ОПЯТЬ

К детям,
потомкам рабов и трудяг,
к нам,
в чьих сердцах бьется кровь,
все возвратится,
вернется опять,
все будет нашим вновь.

Предков долины,
родные холмы,
горы в плащах облаков
снова обнимем,
приветствуя, мы,
все будет нашим вновь.

Запах земли
и роса нежных трав,
леса зеленого кров
снова нас встретят
и примут, признав,
все будет нашим вновь.

Реки
навстречу нам будут бежать,
волн океанских зов,
все возвратится,
вернется опять,
все будет нашим вновь.

К тем,
кто спокоен и терпелив,
к тем,
кто битву ведет,
к тем,
кто, страдания затаив,
упорно смотрит вперед,
кто в кулаке
держит ночи покров,
чтоб звезды могли сиять,—
к нам
возвратится,
вернется все вновь,
все будет нашим опять.

Индекс 70781
Цена 25 коп.

Джонатан ДРАЙВЕР

ПОЛДЕНЬ В АФРИКАНСКОМ ПРИГОРОДЕ

Железная крыша над головой,
изгороди из камней,
настежь открытые двери,
зной,
не люди, а тени людей,
короткие фразы
из двух-трех слов,
молчание длится часами,
лишь изредка слышишь:

«Я есть хочу»
или: «Смотри, это — камень»...
По улицам кровь
не бежит рекой,
дома не горят в огне.
Да только они —
на костях детей.
Жарко.
Но холодно мне.

Перевел с английского
Феликс БУРТАШОВ